

РЕНЕГАТ

ЗОНА ТАЙНЫ

Александр ШАКИЛОВ

ИМПЕРИЯ ЗЛА

ЖИЗНЬ — ЭТО ШОУ.
А ШОУ ДОЛЖНО ПРОДОЛЖАТЬСЯ!

Александр Шакилов

Ренегат. Империя зла

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4608420

Шакилов, Александр. Ренегат. Империя Зла : [фантастический роман]: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081971-3

Аннотация

Ты живешь в самой лучшей стране.

Тебя окружают детский смех и улыбки друзей.

А впереди – светлое будущее, к которому ведет бессменный Председатель!

...Но что ты будешь делать, если вся эта благодать вмиг исчезнет и каждый гражданин необъятного Союза захочет донести на тебя и даже убить?! Тебя все возненавидят.

Ведь по телевизору сказали, что ты – враг народа.

И на тебя объявлена охота.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	31
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Шакилов

Ренегат. Империя зла

...Все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых. В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье.

Из Декларации независимости США, 4 июля 1776 г. (Пер. О.А. Жидкова)

Глава 1

Шпионы на границе

– Ну чего, побегаем? Или ты с девчонками только?

Слова вклинились в жаркое марево над небоскребом и застряли в нем. После захода солнца в расписании погоды осадков не значилось.

Лицо чужака скрывала маска – не угольно-матовое забрало, сквозь какое патрульный взирает с панцера на союзников, но пластиковое лицо Председателя, явно не в супермаркете купленное. Рука чужака сжимала тетрапак с апельсином на боку; трубочка проткнула фольгу, другой ее конец продырявил маску в углу рта, растянутого в знакомой с детства улыбке.

– Люблю сок. А тебе папаша небось не разрешает по крышам бегать, да? – прозвучало эдак лениво, снисходительно.

Иван почувствовал, как под его маской – рожицей поросенка из детского мультфильма – скользнула по лбу липкая капля. Он открыл рот, чтобы достойно ответить, но Лали его опередила:

– Ванька, не смей. Он же тебя специально раззадоривает.

– Да чихать я хотел... – начал Иван, поводя широкими плечами.

Чужак перебил:

– Слушай бабу, рядом с мужчинами тебе не светит. – Швырнув под ноги парочке пустой уже пакет из-под сока, он, резко развернувшись, в два прыжка достиг парапета.

Двигался «Председатель», с головы до ног затянутый в черную искусственную кожу, уверенно и быстро. Пожалуй, увереннее и быстрее Ивана, который сорвался следом, – ему-то понадобилось три прыжка, и последний получился слишком уж корявым, «подвеску» едва не заклинило в бедре. Короче говоря, разозлился Иван не на шутку. Оттолкнувшись от края и ухнув в пустоту, он крикнул Лали:

– Я скоро!

Мелькнула внизу улица: сотни электрокаров, огни, люди... Горизонталь мостка, ведущего к соседнему небоскребу, ткнулась в пятки. По инерции кувыркнувшись вперед, Иван вскочил. Одного взгляда хватило, чтобы понять: «Председатель», у которого «подвеска» была так себе, не блеск, вновь оказался лучше – прыгнул дальше.

А значит, надо ускориться.

Справа и слева от мостка – лишь воздух, на который нельзя опереться. Впереди – крыша.

Не впереди – под ногами уже.

Доля секунды – и искусственные мышцы, облепившие ноги, наполнились машинным маслом из баллонов на спине и сократились так, что семьдесят с чуть-чуть кэгэ натурального мяса и костей перебрало через вытяжку размером с одноэтажный дом. Лопасты громадных вентиляторов не успели сделать полный круг, а Иван уже обогнал чужака. Он – лучший бегунок Москвы! А ведь недели не прошло, как заниматься начал, хотя уже с полгода товарищи забавляются, скача по крышам в облегченных армейских экзоскелетах, называемых «подвесками».

Справа и чуть позади появилась фигура в черном – роста примерно такого же, как Иван, то есть метр восемьдесят пять плюс-минус, только в плечах поуже и животик не очень-то спортивный, округлый такой животик. Правда, это ничуть не помешало «Председателю» вновь обогнать Ивана.

– Эй, свин, похрюкай!

Иван стиснул зубы. Маска нужна, чтобы лицо не засветить. Быть бегунком – это не очень-то законно. Не то чтобы запрещено, но... Именно поэтому он, сын министра иностранных дел Героя Революции Владлена Жукова, просто не мог позволить запятнать репутацию отца своими мальчишескими выходками.

«Председатель» вдруг приблизился к Ивану и, подставив подножку, толкнул его плечом. Падая, Иван схватил противника за руку. По рубероиду покатались в обнимку, расцепились, встали и одновременно взвились в воздух, едва не протаранив пролетающий между домами бочонок-дирижабль размером с грузовик, на борту которого крупно светилося красным: «Слава Союзу! Слава Революции!»

– Ах ты... – Иван приземлился на руки – запястья пронзила боль, тут нет компенсаторов. Выгнулся, став в мостик, тут же выпрямился – и, не замедляясь, увидел противника впереди, метрах в пяти.

А «подвеска» у того хоть неказистая с виду, но покруче будет.

Кто этот парень? Ни один из друзей Жукова-младшего не посмел бы нацепить *такую* маску. «Вот догоню – и познакомлюсь», – решил Иван.

Чужак по дуге ушел влево, к заброшенной теплице у самого края крыши. Вот там-то, словно издеваясь над соперником, черная фигура застыла на месте, скрестив руки на груди.

Напрасно, Ивану фора не нужна. Через два прыжка на третий он распластался над горизонталью – руки перед собой, прижаты бицепсами к голове, ноги в струнку, – уменьшая так сопротивление воздуха, а потом, приземлившись на все четыре конечности одновременно и оттолкнувшись, вновь ушел в полет, и опять, и еще. Он сам придумал этот трюк – «бросок гепарда» – и потратил три дня, чтобы отработать его до автоматизма.

Задумчиво склонив голову к плечу, «Председатель» следил за его приближением. Столкновения было не избежать, но «Председатель» сумел каким-то чудом извернуться, а Иван, беспомощно махнув руками, вылетел с крыши. И он бы сверзился метров с двухсот, порадовав прохожих внизу своим скоростным спуском, если б не схватился за ограждение балкона самого верхнего этажа. Испугаться даже не успел – мгновенно подтянулся и запрыгнул обратно на крышу.

А чужак уже мчал прочь, без зазрения совести копируя трюк Ивана, но пролетая за прыжок в полтора раза дальше. Не стоило и пытаться не то что обогнать – хотя бы приблизиться к нему.

– Похрюкай, свин! Похрюкай!

Адреналин в крови зашкаливал. Ничего не было важнее того, чтобы поставить на место ублюдка, бросившего вызов сыну министра. Иван бежал, прыгал, проскальзывал под пуга-

лами древних антенн, пару раз рухнул, зацепившись за потрескавшиеся кабели, проложенные еще задолго до Революции, но это его не остановило. Он перескакивал с крыши на крышу – и все время впереди маячила черная фигурка. Вот именно что впереди! Ивану никак не удавалось догнать соперника.

Пахнуло гнилью – словно с размаху ударило по лицу. Однажды мама уронила за мойку клонокарпа и не заметила, так вот потом так же... Жуков-младший снизил скорость. Он еще бежал, но азарт погони схлынул. Оглядываясь по сторонам, Иван не узнавал места, куда попал. Каждая следующая крыша становилась все ниже и ниже. На миг он остановился у края пятиэтажки, но все же спрыгнул. Компенсаторам пришлось изрядно надуться, чтобы смягчить удар. Дальше – пустырь, за ним ряды колючей проволоки, кое-где ржавой, но в основном новенькой, блестящей в луче прожектора, которым водил вдоль периметра милиционер на вышке. Во рту у стража закона дымилась сигарета.

Ивану не нравилось тут. Все окна в доме за спиной темные, только у подъезда в агонии мерцает лампочка. Под ногами грязно: консервная банка с засохшим томатным соусом, гнутые гвозди, обертка от шоколадки «Аленка»... Короче, мрак полнейший. К тому же проволока гудела от тока, что струился по ней. Не зря ведь треугольные знаки предупреждали белым по красному: «Стой! Опасно для жизни! Высокое напряжение!»

Он забрался слишком далеко от центра Москвы. Это граница цивилизации. Дальше промзона, где живут и работают персы, то есть персонал. Союзнику там делать нечего, как сказал однажды отец. Так почему тогда чужак в черном уже перепрыгнул колючку и весело помахивает рукой с той стороны? Может, он перс? Один из тех, кто из-за своей лени и глупости занимается низкоквалифицированным трудом и не очень-то заботится о гигиене?

– Чего, сдался уже?! Слабак! – из-за колючки наслаждался своим триумфом «Председатель», не забывая посасывать сок из пакета.

Отец говорил, что персы – просто умственно отсталые, им не повезло, но Министерство здравоохранения работает над тем, чтобы им помочь. Иван представил себе отцовского товарища – Сидоровича, главного по здоровью, его стариковские морщины и добрую улыбку... Да, этот человек обязательно облегчит жизнь бедолагам. Кстати, Сидорович вместе с супругой отправился на отдых в Крым, отпуск у них, и попросил последить за псом, ключ от квартиры оставил – Иван нащупал в кармане магнитную карту.

Соревноваться с умственно отсталым – это как-то неспортивно.

Черная фигура подпрыгивала на месте и осыпала Ивана издевками, но его это больше не уязвляло. Махнув рукой – мол, счастливо оставаться, – он развернулся, намереваясь двинуть обратно.

– Слышь, Жуков, ты б погулял еще, побегал по крышам. Дома-то делать особо нечего, верно? Вот и не иди туда... – донеслось сзади.

Иван застыл. По спине пробежал холодок. Откуда «Председатель» знает, кто он? Иван ведь в маске, и Лали назвала его только по имени, фамилию не упоминала, а мало ли сколько Иванов в Москве – так почему обязательно Жуков?... И почему это не надо возвращаться домой? Там что-то случилось? С отцом, с мамой? Сердце в груди заколотилось так, будто он пробежал пятнадцать километров в бодром темпе и без «подвески».

– А откуда ты...

Он еще только оборачивался, а уже краем глаза заметил, как чужак с места взвился над колючкой. И было что-то хищное в этом прыжке, будто хотел сверху навалиться. Иван рефлекторно пригнулся, шагнул навстречу, пропуская чужака над собой. Оставалось лишь чуть-чуть дожать, подтолкнуть, использовав напор атаки, как учил отец на тренировках. Что он и сделал. Легкое касание – и чужак грохнулся на рубероид, и вроде что-то хрустнуло, но тело в черном тут же вскочило на колени, метнулось к Ивану...

Яркая вспышка осветила обоих.

Это милиционер со скуки навел прожектор на пустырь у периметра и, наверное, очень удивился, обнаружив там две фигуры в масках. Так удивился, что сирена взвыла через секунду после того, как Иван выскочил из луча и припустил обратно.

– Всем оставаться на своих местах! Это приказ! – рявкнул мегафон, и сын министра Жукова едва не подчинился – ведь должен быть порядок, его так учили. Мышцы едва не свело, он сбился с бега на шаг паралитика, остановился.

Что скажет отец, когда ему сообщат, что сын задержан – в маске, у самой промзоны? Уж точно не «Спасибо, Ванечка».

Шажочек. Шаг. Еще. Прыжок. Медленно, а потом что было духу Иван помчался прочь по темной улице. Поначалу он петлял, ожидая, что в спину ему будут стрелять, как в фильмах про шпионов, которые нарушили государственную границу и потому получили по заслугам. Сгорая от стыда, он чувствовал себя таким же преступником, врагом народа.

Быстрее! Иван прыгнул на ближайший балкон, оттуда перебрался выше, еще выше, и вот он уже на крыше...

Главное – уловить момент, когда меняется центр тяжести. Ведь масло возвращается в баллоны и на спине появляется дополнительный вес, а потом насосы отправляют его в искусственные мышцы, и вновь в баллоны, и обратно в мышцы. Скорость процессов велика, но Иван ведь тоже не на месте стоит. Следующая крыша, еще одна, прыжок...

Обратно он несся быстрее, чем бежал за «Председателем».

К стыду примешивалась тревога. Отец, мама, надо срочно домой. Что-то случилось... Из-за этого он не мог наслаждаться ни с чем не сравнимым ощущением слаженной работы всех деталей «подвески», четко улавливающей малейшие нервные импульсы, а затем умножающей усилия человека в разы, тем самым позволяя совершать головокружительные прыжки. В темноте едва не наткнулся на старую спутниковую антенну – взвился, сальто вперед, пролетел над ржавым «тазом». Подошвы армейских ботинок соприкоснулись с горизонталью, сработали компенсаторы, вспухнув газовыми подушечками – на миг! – ровно настолько, чтобы почувствовался лишь легкий удар.

И дальше, дальше, быстрее!

– Ванька, ты куда?! А я?! – услышал он, застыл и метнулся назад, к стройной девушке ему по плечо, лицо которой тоже прикрывала маска – хитрая мордочка лисицы.

Маски покупали вместе, в одном супермаркете, в детском отделе.

Лали! Из-за всей этой беготни он совсем о ней забыл. Вот ведь кавалер – пригласил на свидание и...

– Забыл обо мне, да, Ванька? – Лали Бадоева, однокашница по МГУ и просто красавица, определенно умела читать мысли.

– Разве можно забыть о солнце? – Жуков-младший давно заметил, что подобная напыщенность нравится девчонкам.

Но не Лали.

– Только не говори, что занят и меня не проводишь, – предвосхитила она его следующую фразу. – Или будешь настоящим поросенком.

Как хорошо, что на лице маска и Лали не видит, как он прикусил нижнюю губу.

– Не поросенком, а свиньей. И не буду, а уже есть. Оставил тебя тут одну, такую хрупкую, нежную... – Иван попытался обнять Лали.

Она, как обычно, отстранилась:

– Если будешь хорошо себя вести, поцелую. Потом.

Иван аж онемел на миг. Мир преобразился, стал ярче, лучше. Даже голограмма Председателя во всю стену соседнего дома стала сразу... объемнее, что ли. Зачесанные назад волосы с проседью, великолепные усы, нос горбинкой, пронизательный взгляд... Иван мыс-

ленно сказал ему спасибо, ведь всем хорошим, что есть в Союзе, народ обязан стараниям Председателя.

Три месяца назад Жукову-младшему исполнилось восемнадцать, а он еще толком ни с кем не целовался. Друзья частенько хвастались любовными приключениями, а Ивану даже соврать было не о чем, тем более что не терпел он лжи... Как-то все некогда было: теория с утра до ночи – математика, химия, экономика, менеджмент предприятий, внешнеэкономическая деятельность и прочее в том же духе, а после – тренировки, практика: дзюдо, огневая подготовка и симуляторы основных видов бронетехники Союза... И если знаниями овладевает каждый индивидуально – не выходя из квартиры, черпая мудрость из всесоюзной Сети, то экзамены надо сдавать лично – писать ответы на настоящей бумаге настоящими чернилами. Вот завтра Ивану как раз это и предстоит.

Но до того ли сейчас?

– Поцелуешь?! – Иван схватил Лали за руку, потащил за собой. – Тогда побежали!

Он и думать забыл о странном незнакомце в черном.

* * *

Магнитная карта-ключ от квартиры Сидоровичей лежала в одном из карманов пятнистого комбеца модного в этом сезоне покроя – Иван автоматически проверил, на месте ли. Тихонечко спрыгнул на балкон – чтобы не разбудить родителей. На душе было тоскливо. Ну кто его за язык тянул, а?

Проводил ведь Лали. И даже взял за руку. Но так переволновался, что ляпнул вдруг – мол, как это батя разрешает тебе, девчонке, по крышам бегать, с твоим-то сердечком? И все, как отрезало романтику. Вместо поцелуя кареглазая красотка принялась объяснять, что охрана наверняка уже составила рапорт, но Гурген Аланович в последнее время почти не бывает дома, он очень занят, поэтому еще не в курсе ее нового увлечения... На этом свидание закончилось.

Иван взглянул на часы – однако! На крышах ночь пролетает незаметно, а ведь до экзамена в универе остались считанные часы. Ну да ладно, не впервой. Все равно он лучший в группе. Да что там в группе, будем объективны – на потоке. Или даже на курсе. Или... Он всерьез готовил себя к тому, чтобы встать плечом к плечу с отцом и прочими Героями Революции. Вместе они поведут Союз к светлому будущему и новым свершениям!

Но это потом. Пока же надо незаметно попасть домой. Мама ведь не знает о его ночных прогулках, да и отцу он не торопился рассказывать о забавах бегунков.

Чтобы не потревожить предков, Иван оставил открытым окно, вот через него и залез с балкона в свою темную комнату. Главное – ничего не зацепить. Тут справа стол с учебным компом, дальше шкаф высотой в полтора роста, кровать еще... И везде цветы в горшках на стойках из стальной проволоки – мама выращивает, чтобы свежий воздух был, как она говорит. Цветы-травки у них по всей квартире натканы, прям не дом, а целая оранжерея. Из-за этой ботаники Иван стеснялся приглашать друзей домой, а то начнут еще болтать, что Жуковы превратили квартиру в теплицу, помидорчики с огурчиками выращивают. Что, кстати, правда – на кухне есть пара кустиков. Отец откуда-то из провинции маму в Москву взял, а там принято так – чтобы хозяйство было. Да и вообще у Жуковых жилплощадь очень скромная, не то что у некоторых. Отец считает, что роскошь – это излишество, а всякое излишество есть зло.

В темноте споткнувшись обо что-то, Иван едва не растянулся на полу и очень этому удивился – как и отец, он уважал образцовый порядок. В его комнате все было на своих местах, ничего нигде не валялось. Так обо что же он споткнулся? Ведь даже носки не разбрасывал по углам, как это принято у некоторых. Странно... Осторожно двинулся к стене

– под ногами пару раз что-то хрустнуло. Нашупал выключатель – загорелись все три лампы люстры, и...

Иван обомлел. Весь пол был засыпан осколками цветочных горшков вперемешку с почвой и изломанными, растоптанными растениями. Шкаф стоял открытый, вещи из него валялись везде – и на кровати, и на столе. Учебный компьютер исчез. Гипсовый бюстик Председателя сбросили с полки, у него откололся нос.

Да что тут произошло вообще, а?!

– Мама... – Голос изменил Ивану. Хотелось крикнуть так, чтобы стены задрожали, а всего лишь прошептал. – Отец...

В тишине, царившей в квартире, грохот еще одного разбитого горшка прозвучал как выстрел. Из гостиной послышался какой-то шум. Не снимая ни поросычью маску, ни подвеску – не до того, – Иван рванул на звук.

– Предки дорогие, а что случилось у нас?... – начал он в коридоре.

И замолчал, увидев отца.

Владлен Жуков – гордый сильный мужчина, на которого Иван мечтал быть похожим, – стоял посреди большой комнаты на коленях. Ладони на затылке. Лицо – всегда властное, без тени улыбки – разбито в кровь, из носа течет, марая алым белую майку. Все мышцы напряжены, бугрятся под сеткой вен. Отца не так-то легко сломить.

Мама – красивая, белокожая, со светлыми распущенными волосами – сидела в кресле, положив руки на сдвинутые колени. Ее пальцы дрожали, когда она поправила любимый шелковый халат. Она не сводила с отца голубых, как небо, глаз – точно таких же, как у Ивана. Все говорят, что он в мать.

– Что здесь... – снова начал Иван и замолчал.

Помимо родителей, в гостиной присутствовали еще пять человек в длинных черных плащах. Головы ночных гостей – за исключением одного – защищали титановые шлемы, как у патрульных, с матовыми забралами. У всех – автоматы, обычные милицеские АК-500 с коробчатыми магазинами и длинными интегрированными глушителями сплошь в дырках. В затылок отцу как раз упирался такой вот очень пористый цилиндр. Причем «калеш» на министра Жукова навел человек, который не считал нужным сохранять инкогнито. Левую сторону его лица разрубил надвое кривой глубокий шрам от коротко остриженных волос до нижней челюсти, прерывавшийся лишь над глазницей. Желтоватая болезненная кожа обтягивала скулы.

В гостиной не только все было разрушено, разбито и в беспорядке валялось на полу, но еще и воняло синтетическим табаком – тонкие губы человека со шрамом сжимали дымящуюся сигарету.

– Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера? – Иван действительно попытался улыбнуться, но получилось как-то криво, некрасиво. Надо попросить еще один дубль, а то Давид, извечный соперник, будет смеяться, увидев перекошенную Ванькину рожу по телику. – Это шутка, да? Реалити-шоу?

Хотя какая рожа, он же в маске.

Иван почти физически почувствовал, как уперлись в него взгляды всех в комнате. Матовые забрала, сигарета, отец...

– Сын, беги! – рявкнул Жуков-старший и, чуть развернувшись, толкнул плечом в бедро человека со шрамом, а тот как раз перенаправил глушитель на Ивана.

АК едва слышно чихнул, очередь прошмыгнула над головой Жукова-младшего, посыпалась штукатурка. Он рефлекторно присел – не испугался, не успел просто, да и не мог он поверить в реальность происходящего, просто удивился еще сильнее.

На него вмиг навели стволы остальные. С криком мать бросилась на ближайшего автоматчика, ударила кулачком в забрало. Это спасло Ивана – автоматчики переключились на

новую цель, и пули, которые достались бы ему, беззвучно впились в тело матери. Ее швырнуло обратно в кресло, колыхнулись следом светлые пряди, опав на халат, прикрыв собой расплзающиеся багровые пятна.

– Мама!.. – «Подвеска» кинула Ивана сразу через половину комнаты.

Отец перехватил его в прыжке. Безумное лицо, окровавленное, с выпученными глазами, заслонило собой весь ужас происходящего:

– Беги!!!

Как мячик для пинг-понга, Жуков-старший бросил сына через всю комнату в дверной проем.

Отец сильный, очень сильный, Иван когда-нибудь станет таким же... Баллоны на спине со звоном врезались в большое, в полный рост, зеркало. Посыпались, сверкая, осколки. Удара Иван не почувствовал – его комбез лишь с виду был обычным ширпотребом, на самом же деле почти полностью состоял из компенсаторов.

Осколки зеркала падали и падали на Ивана, а их сбивали пули, дробили в пыль, и чуть подрагивали «калаши» в руках...

Все произошло за какие-то доли секунды.

Казалось, «подвеска» вновь сработала сама собой – Ивана кинуло дальше по коридору, туда, где горел свет. Это тело, подчиняясь инстинкту самосохранения, приняло решение раньше мозга и начало действовать, а искусственные мышцы лишь усилили порыв. Вжикнув, пуля отрикошетила от баллона, правый бок вдруг стал горячим-горячим, будто ошпарили кипятком, а в следующий миг Иван уже скрылся в своей комнате.

В голове звенело. Она превратилась в пустоту, где не обреталось больше ни единой мысли.

С разбега он прыгнул в открытое окно.

И вот только там, снаружи, между небом и улицей внизу, его скрутило от боли утраты: мама!..

Багровые пятна. Пряди волос.

– Мама!!! – Крик разорвал легкие, Иван задохнулся, открыл рот широко-широко, но спазм сдавил горло, воздух не проникал внутрь.

Перед глазами вспыхнуло – «Слава Союзу! Слава Революции!». Иван ударился во что-то упругое, но крепкое. Прочесав лицом по тонкому стеклопластику, он рефлекторно махнул руками, пытаясь закрепиться и все же безнадежно соскальзывая. Схватившись за ограждение, опоясывающее дирижабль – а Иван свалился именно на «бочонок», что петлял между небоскребами, – он повис над пропастью, дном которой была проезжая часть проспекта Героев Революции. Воздух с шумом ворвался в легкие.

Дирижабль, не предназначенный для того, чтобы на нем катались студенты, накренился.

– Ушел, паскуда! – послышалось сверху, из окна комнаты Ивана.

Похоже, оболочка, наполненная газом, скрывала беглеца от убийц.

– Командир, я за ним?

Иван замер, напряг слух.

– Тебе бы только за мальчиками бегать. С ориентацией все в порядке?

– Да я...

– А то смотри, в лагерях таких любят. Всем баракком... Ур-роды, мать вашу! Пацана сопливого завалить не смогли! А ну министром займитесь, пока и он не сбежал!

Хлопнула рама, стало тихо.

Ивана трясло, зуб на зуб не попадал. Что произошло?! Как такое вообще может быть?! Отец, мама... И в него стреляли по-настоящему, а не в симуляторе, где отрабатываются практические занятия по тактике ведения боя, – это не военная кафедра МГУ, это всерьез.

Меж тем дирижабль, зарывшись носом вниз, падал – проспект стремительно приближался!

Когда до асфальта оставалось метров десять, Иван подобрался и прыгнул. Приземлился мягко, умело – и сразу побежал. Не сбавляя темпа, обернулся. Дирижабль падал на него. Два электродвигателя на корме вращали винты, которые придавали ускорение всей конструкции. Система управления и стабилизации в небольшой черной гондole на «брюхе», издавая пронзительный писк и мигая красным, пыталась выровнять дирижабль. Рули высоты встали соответственно, но от столкновения с горизонталью летательный аппарат могло спасти лишь чудо – для маневра просто не было ни места, ни времени.

Иван распластался в «броске гепарда». Но «подвеску» заклинило в бедре, он упал, покатился по асфальту, вскочил, опять упал, пополз... Позади заскрежетало, громко хлопнуло, будто две огромные ладони схлестнулись, засвистело чайником размером с цистерну. Встав на колени, Иван завалился на бок и быстро-быстро откатился в сторону. Едва не задев его, оставляя на асфальте глубокие борозды, мимо протащило то покореженное и потерявшее форму, что осталось от мини-цеппелина, – винты продолжали вращаться, толкая вперед обломки шпангоутов с разорванным стеклопластиком.

Если бы не «подвеска», Ивана размазало бы по проспекту. Согнувшись вдвое, едва успев снять маску, он выплеснул содержимое желудка. Как-то накатило все сразу. Почему в него стреляли?! Ведь он верен заветам Председателя. Он – отличник, спортсмен. У него есть девушка. Он ведет правильную, здоровую жизнь! И отец... Почему отец стоял на коленях?! За что убили маму?!

Из глаз лило, из носа текло, с подбородка свисало. И не было сил выпрямиться, Ивана хватало только на то, чтобы сдерживать рыдания, kloкочущие в груди.

И тут его осенило.

Этому кошмару можно дать только одно объяснение: шпионы проникли в дом, чтобы захватить и вывезти из страны Владлена Жукова. Почему именно его? Да потому что отец – важный государственный деятель, а не какой-нибудь рядовой союзник!

Шпионов нужно задержать и обезвредить!

Вытерев лицо и рот рукавом комбеза, Иван кинул взглядом по сторонам. Одному с врагами не справиться, нужна помощь. Как назло, никого рядом не было. Город спал, не подозревая о злодеяниях, что творились по соседству.

Надо куда-то бежать, кого-то звать на помощь. Но куда? И кого?..

Обломки дирижабля с грохотом врезались в цветочный киоск у перекрестка, метрах в тридцати от Жукова-младшего. Все еще вращаясь, винты перемалывали гвоздики и розы, расшвыривая по сторонам лепестки. Словно только того и ожидал, из-за угла, визжа покрышками всех восьми колес, выскочил, на ходу разворачиваясь, патрульный панцер. Эта мощная махина еще не остановилась, а с брони уже ссыпались двое в бронежилетах поверх формы – оранжевые надписи «ДПС» на груди сразу бросались в глаза. Немного напрягло то, что на патрульных были точно такие же шлемы, что защищали головы шпионов. Двери по бортам панцера распахнулись, оттуда выпрыгнули еще двое. Тяжело, грузно затопали ботинки по асфальту. Башенка, вжикнув, направила на Ивана девятиностомиллиметровую автоматическую пушку и спаренный с ней пулемет. Затрещала радиостанция, пристегнутая к предплечью одного из бойцов: «База вызывает «Сокола». Доложите обстановку». Боец поднес радиостанцию к забралу, что-то пробурчал в ответ.

На душе Ивана стало чуть легче, едва он представил, как сейчас вместе с этими бравыми парнями поднимется к себе домой и вмиг одной левой расправится с врагами Союза. – Нужна помощь! Совершено нападение! Моя семья! Отец!..

Его молча шибанули прикладом в грудь.

Это было не больно – компенсатор комбинезона смягчил удар, – но обидно до ужаса.

– Что вы делаете?.. – Иван чуть отступил. – Там шпионы!

Он махнул рукой в направлении своего дома, а в следующий миг оказался животом на асфальте, руки ему завели за спину, причем явно хотели сделать это как можно больнее. Ядреная смесь из «ароматов» горячей смазки и взопревших в униформе тел заставила его поморщиться. В милиции работали только персы, союзники так низко не опускались.

– Прекратите! – потребовал он, и когда желаемого не случилось, разозлился.

Вырвался без труда, спасибо «подвеске». Поднявшись, кинул одного недоумка через бедро, а второго – с рацией – просто оттолкнул от себя так, что тот растянулся на проезжей части. И плевать на пушку с пулеметом! Пусть целят в него из автоматов!..

– Шпионы! Нужна помощь! – крикнул он. – Страна в опасности!

В ответ из-под матовых забрал послышался хохот. Веселились даже те, кто валялся на асфальте.

Из люка панцера высунулся коротко стриженный череп механика-водителя.

– Парни, аккуратней с ним. Допился, видать, до белочки. Ему проспать надо.

Все лицо механика до самого подбородка было перемазано черным.

– Точно, в номер люкс блондинчика. – Милиционер, которого Иван толкнул, неторопливо встал, рация на его предплечье зашлась треском. – Там его и опохмелят заодно.

Эти шуточки окончательно вывели Ивана из себя:

– Прекратите! Вы обязаны помочь. Совершенно преступление и...

– Может, он чем серьезней закинулся? – Чумазый определенно испытывал терпение Ивана. – Слышь, чудило, ты б с наркотой завязывал.

– Да что вы себе... – Закончить Иван не успел. В голове его будто взорвалась петарда. Перед глазами вспыхнуло, посыпало искрами.

Похоже, его ударил по затылку тот милиционер, которого он кинул через бедро. Со спины зашел и... Словно издавдала Иван услышал, что за сбитый дирижабль его по голове не погладят, пожизненный срок в лагере обеспечен... Какой еще лагерь? Что за срок? Его, похоже, приняли за преступника. Но ведь он жертва нападения, это чудовищная ошибка! Надо рассказать, объяснить.

– Это ошибка, я...

Боль пронзила каждую клетку тела. Патрульный с рацией – сволочь! – ткнул ему в шею электрошокером. Запахло паленым. Мышцы свело судорогой, позвоночник словно вынули, а вместо него засунули раскаленный докрасна лом. Руки не слушались, ноги подогнулись. Язык распух, заполнив собой рот и свинцово потяжелел. Перед глазами все плыло.

Ивана подтащили к панцеру, бесцеремонно содрали с него «подвеску», вывернули карманы.

Слух то пропадал, то возвращался. Сквозь звон в ушах он слышал что-то о нарушении комендантского часа, порче союзной собственности и нахождении на улице в нетрезвом виде... Милиционер отвел руку с рацией от забрала, из-под бронежилета ловко выдернул коммуникатор и принялся заполнять графы протокола задержания, тыча в экран кончиком пальца.

– Посмотрим, кто тут у нас...

Ладонь Ивана прижали к сканеру. Результат патрульных не удовлетворил, они проделали это еще несколько раз.

– Опять сломался, – услышал он. – Не определяет.

– Это у тебя мозги сломались. Удостоверение проверь.

– Уже. Не подшитый он. И в карманах пусто, ключ от квартиры только. И это, командир, у нас тут огнестрельное, бок ему продырявили – несерьезно, слегка, но все-таки.

– О как. Чую, крупняк попался. – Подняв забрало и превратившись в молодого человека на пару лет старше Ивана, патрульный пообещал рации, что сокол скоро прилетит на базу

с добычей в клювике. – Впервые вижу настоящего подпольщика. Парни, нам всем за этого блондинчика медали дадут. Грузите его.

Ивана швырнули на неудобное кресло из стали и пластика. У низкого потолка едва мерцала крохотная лампочка. Двери панцера с лязгом захлопнулись. Взревел мотор. Вонь пота и горячей смазки стала просто непереносимой. Его бы вывернуло еще раз, но в желудке уже было пусто.

Подпольщик?.. Мысли тяжело ворочались в голове. Какой еще подпольщик? Да, у обычных союзников и у персов тоже удостоверения личности – чипы – вшиты под кожу на запястье, но Иван ведь сын самого Владлена Жукова, министра иностранных дел. Он принадлежит к элите Союза Демократических Республик, у него удостоверение личности не под кожей, а в нагрудном кармане комбеза.

Неужели потерял?..

Глава 2

Гражданин великой страны

После финальных аккордов ансамбля балалаечников, под трезвон которых выплясывали девушки в кокошниках, Иван потуже затянул пояс кимоно.

Давид – его неизменный соперник – сделал то же самое.

– Давай, что ли? Покажем высший пилотаж?

Чуть пожав плечами – мол, почему бы и нет? – Жуков-младший кивнул.

Вместе они безупречно исполнили физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне Союза», проще говоря – ГТОС. И все это под новый хит «Славься в веках!», который вот уже неделю с утра до вечера крутили по радио во всех учреждениях, в кафе и просто на улицах. От бодрого ритма и искреннего текста о том, что Председатель с нами, Председатель знает, как сделать нас счастливыми, становилось светлее на душе, хотелось улыбаться и говорить соседям приятное.

Иван и Давид – верные сыны Героев Революции, и потому им позволили выступать перед собранием в Новом Кремле, в просторном зале с мраморными колоннами, портьерами из бархата и бронзовыми люстрами у высокого потолка. Здесь пахло ванилью. Говорят, это любимый аромат Председателя. Иван с умилением скользил взглядом по строгим костюмам и гладко выбритым лицам управителей страны. Прекрасные дамы в великолепных нарядах их сопровождали. Детишки спокойно стояли в сторонке, проникнувшись всеобщей торжественностью и даже не пытаясь носиться по залу наперегонки. Официанты в отглаженных брючках, белых рубашках, сюртуках, с галстуками-«бабочками» шмыгали тут и там, манипулируя подносами, заставленными бокалами с «Абрау-Дюрсо» и рюмками с «Пшеничной», а в придачу тарталетками, полными белужьей икры.

Где же Лали?

Отец ее, Гурген Аланович Бадоев, министр восстанавливаемых ресурсов, стоял в окружении замов, которых по именам и лицам запоминать было совершенно необязательно, ибо министр менял их чаще, чем носки. По этой, верно, причине на каждом из его помощников был особого цвета пиджак. Зам по авиационной промышленности носил небесно-голубую одежду, зам по автомобильному и тяжелому машиностроению – малиновую, металлург – серебристую, угольнопромышленник – соответственно угольно-черную. Больше всех не повезло заму по химической промышленности, он в своем оранжевом наряде смотрелся неизменно вычурно на всех сборищах – независимо от того, кто занимал этот пост.

– Гляди-ка, – Давид чуть толкнул Ивана локтем и указал глазами, – Бадоев желто-голубого отчитывает. Вот умора!

Низенький толстяк, отвечавший за электронную промышленность, преданно внимал министру, не имевшему привычки стесняться в выражениях. Как раз сейчас Бадоев, как всегда одетый во все белое, поминал мать зама, с которой он якобы имел оральную половую связь. Дамы, попавшие в радиус поражения голосовых связок Гургена Алановича, неуверенно хихикали, будто услышали пикантную шутку. Министр Бадоев – один из самых влиятельных людей Союза.

Мимо сцены, на которой Иван и Давид демонстрировали сейчас ката, промаршировал, чеканя шаг и бряцая орденами на кителе, министр обороны – генералиссимус Сердюк. За ним семенили адъютанты тоже весьма пенсионного возраста, живые еще только потому, что все органы им меняли раз пять, не меньше. Как-то отец обмолвился, что до Революции Сердюк был заведующим секцией в мебельном магазине, это, впрочем, ничуть не помешало ему возглавить войска Союза и дать отпор всем внешним и внутренним врагам... Бахнув дверью

с буквой «М», Сердюк скрылся от легких улыбок весьма упитанных министра внутренних дел и министра специального строительства и монтажных работ – Василия Ивановича и Ивана Васильевича соответственно. Их пухлые лоснящиеся лица никак не соответствовали образам умелых командиров армий, отражавших атаки интервентов во время Революции, но поверьте, именно так они отличились многие годы тому назад. В сражениях Иван Васильевич даже потерял ногу, а Василий Иванович едва не утонул в Днепре, к которому войскам Союза пришлось временно отступить, чтобы перегруппироваться и нанести сокрушительный удар.

– Давай, что ли? – Давид, покрасневшийся, возбужденный, поправил кимоно на мускулистой груди. – По очереди десяток самых эффектных бросков. Чур не повторяться!

Пожав широкими плечами, Иван позволил швырнуть себя на татами.

Среди молодежи из Министерства энергетики, стоящей особняком, Лали тоже не было. Предыдущий глава всех электростанций и высоковольтных линий скончался пару месяцев назад, вместо него назначили выпускника МГУ, худого, чуть согнутого парня со взглядом человека, способного на все. Он был лысым как колено, над виском выделялось нечто вроде шрама, будто родную кожу там сняли, а взамен пересадили чужую, отличавшуюся по цвету. Вроде бы в прошлом он вел чуть ли не антисоюзную деятельность, и, глядя на команду его замов – по атомным станциям, гидроэнергетике и ветро-солнечному направлению, – таких же молодых и резких в движениях юнцов, Иван не удивился бы, окажись слухи правдой.

У дальней стены композитными изваяниями застыли brave киборги, надежда и опора Союза. Конечно же служить на границе, охраняя покой и мирный труд союзников, – это предел мечтаний любого киборга. И только лучшим из них, проверенным в схватках бесстрашным героям, доверяют жизни правителей Союза Демократических Республик.

По периметру зала на значительной высоте от пола располагались окна-витражи с портретами Героев Революции. Если что, можно подмигнуть стеклянному образу отца – вон его витраж, через один от лика Председателя.

Шумела у входа толпа вновь прибывших. Точнее, опоздавших. Иван постоянно косился на это сборище, надеясь увидеть стройную фигурку Лали.

Чтобы попасть сюда, в святая святых, нужно пройти через десяток проверок различными сканерами. Эти меры предосторожности необходимы, чтобы не дать шпионам и наймитам-террористам пронести оружие. В зале заседаний АК-500 есть только у киборгов.

– Давай, что ли, заканчивать?

В последний раз грохнувшись на татами, Иван ухватился за протянутую руку. Хлопнув его по плечу, Давид помог подняться. Они поклонились зрителям. В ответ раздались аплодисменты, кто-то подогретый шампанским даже потребовал выступить на бис. Особенно старательно восхищались представители духовенства в черных до пят рясах – отец Давида курировал Комитет по религии. Повинуясь душевному порыву, Иван перекрестился, устремив взор на огромный герб Союза, занимавший всю дальнюю стену зала: кумачовое поле со снежно-белым кругом в центре, на котором чернели два молотка и меч острием вниз. Красное поле – это память о пролитой крови борцов за свободу. Белый круг – символ стремления ко всему светлому, прогрессивному. Два молота – единство союзников и персов. Меч – способность дать отпор любому врагу.

Жаль, Председатель не посетил мероприятие. Иван вознес бы молитву в его честь, как делал это по воскресеньям в храме на первом этаже небоскреба, где жила семья Жуковых.

– Кого я вижу?! Давай, что ли, к нам! – услышал Иван восторженный рев Давида. – Вон Жуков уже весь извертелся, тебя высматривая.

– И совсем я не... – Смутившись, Иван замолчал.

Лали, поднимавшаяся на сцену, сегодня была просто восхитительна. Ее длинные черные волосы, обычно заплетенные в толстую косу, на сей раз были распущены по спине до самых

ягодиц. Белоснежное платье интересно сочеталось с темной кожей. Карие глаза радостно блестели – Ивану хотелось думать, что из-за него.

– Экая ты восточная красавица, – продолжал Давид делать неуклюжие комплименты. – Типа Жасмин из мультика. Хочешь, я буду твоим Аладдином?

Словно не замечая Давида, она подошла к Ивану:

– Ванька, привет. Побегает сегодня?

Он пожал плечами:

– Может, не стоит?

Новорожденная Лали не должна была выжить, но врачи сделали операцию – и с тех пор у нее в груди имплант, экспериментальная на тот момент модель. Ей нельзя напрягаться, резкие движения противопоказаны. И хоть давно уже существуют более надежные органы, намного превосходящие искусственное сердце Лали, увы, ей не повезло особо. Врачи, все как один, категорично заявили, что второй пересадки она не переживет из-за проблемы с сосудами. Ее сверстники проживут дольше, чем она, ведь изношенные легкие и почки, к примеру, им без труда заменят. А вот дочери министра Бадоева все это недоступно, будто она обычный перс, а не представитель союзной элиты...

Если б Иван знал о ее особом случае, он, конечно, не стал бы дарить ей «подвеску». А так чуть ли не силой затащил чернобровую красотку на крышу... Но ведь ей понравилось! Понятно, она бегала не так быстро, как Иван, но... Только позавчера призналась, что ей вообще-то нельзя.

– Извини, Ванька, я не расслышала.

– Не надо рисковать понапрасну. – Он попытался обнять ее.

Рассмеявшись, Лали увернулась:

– Значит, в том же месте в то же время.

Она спорхнула со сцены в зал, где не было никого прекраснее ее... Иван столкнулся взглядом с Гургеном Алановичем и вздрогнул от неожиданности. И еще ему показалось, что... Ерунда, в общем. Улыбаясь, министр восстанавливаемых ресурсов погрозил Ивану пальцем.

Как-то Жуков-младший спросил у отца, что это за ресурсы такие, а тот неожиданно разозлился и велел не совать свой нос куда не следует.

– Ты поосторожней с девчонкой, – шепнул на ухо Давид. – Уж больно у нее батя крут. Отсекает ухажеров на раз.

Все знали, что Давид неровно дышит к Лали и не единожды к ней подкатывал.

– Не переживай, дружище, меня не отсечет.

– Ну-ну. Если что, живо пойдешь по этапу на восстановление.

– Куда пойду? – не понял Иван.

Но Давид лишь махнул рукой – мол, не важно, забудь.

Уже забыл. Ведь рядом хоть соперник, но все же друг, и сегодня вечером у Ивана будет свидание с девушкой, лучше которой нет во всем Союзе. Мало того – ему только что аплодировали самые могущественные люди страны!

Вот-вот начнется совещание министров – отец накануне выглядел озабоченным, долго листал бумаги, что само по себе уже признак особой важности: в твердых копиях хранятся лишь очень секретные документы, не имеющие цифрового аналога. Он засиделся за коммуникатором до утра. А так и не скажешь – в руке бокал с шампанским, из которого отец не сделал ни единого глотка, он бодр, смеется и, отеснив Бадоева от его разноцветных замов, хлопает по плечу, что-то говорит.

Глянув еще раз в зал, Иван отправился за сцену. Нужно переодеться и топать домой.

Ночью, встав попить воды, он случайно подслушал разговор отца с матерью. Отец утверждал, что Первому – так называют первого заместителя Председателя – давно уже

осточертели соратники по Революции и на заседании Первый представит нового министра образования...

На улице его – вот так сюрприз! – поджидала Лали:

– Ванька, ты чего так долго?

Она даже разрешила взять ее за руку. И его счастьем не было предела.

В небе ни облачка. Светло, тепло, воздух чистый. И плывут над головами дирижабли, и катят по широким проспектам электрокары, а не какие-то там тачки с двигателями внутреннего сгорания, загрязняющие атмосферу, как в других – отсталых! – странах. На улицах много людей в белых одеждах, лица радостные, слышится смех. И реют флаги над домами, и льется торжественная музыка. На каждом перекрестке с брони панцеров благожелательно глядят на союзников патрульные, на руках у них повязки с символикой СДР. И гордость переполняет, так и хочется выкрикнуть: «Я – гражданин великой страны!»

– Смотри, Ванька, какие смешные!

Навстречу парочке маршировали детишки. Все такие аккуратные, чистенькие. Мальчики одинаково пострижены, у девочек косички с бантиками. На шеях сталкерские галстуки повязаны. И так они задорно горланили речевку, что Иван с Лали не удержались, подхватили:

Кто шагает дружно в ряд?!

Это сталкеров отряд!

Председатель нас ведет!

С ним идем вперед, вперед!

Расхохотавшись, они на миг обнялись, но Лали сразу же отстранилась. Иван в смущении отвернулся. И даже покраснел немного.

– Ванька, а ты знаешь, что Председатель в детстве был ярим фаном одной компьютерной игры, благодаря которой юные сталкеры и получили свое название?

– Ну это вряд ли.

– Мне папа рассказывал...

...А вечером они взобрались на крышу, нацепив на лица смешные маски, и помчали так быстро, как только могла Лали.

Потом этот странный чужак в черном.

И беззвучная вспышка выстрела, и мама падает...

* * *

Иван очнулся на полу.

По решетке резиновой дубинкой колотил взъерошенный милиционер – ремни бронежилета ослаблены, шлема нет, верхние пуговицы на униформе расстегнуты.

Выпучив глаза, брызгая слюной, взъерошенный заорал:

– Подъем, суки! Подъем, я сказал!!!

Жуков-младший поспешно вскочил с бетонного пола – с топчана он только что грохнулся от неожиданности, из-за этого вопля. Все тело отозвалось болью. Где он? Что с ним?..

Серые стены с множеством надписей и рисунков – все неприличные, освещение скудное, какие-то люди, грязный унитаз без сидушки, рядом с ним на полочке рулон туалетной бумаги...

Пока он глазел по сторонам, память медленно возвращалась. В панцере – «Соколе» – его привезли в милицейский участок, то есть на «Базу». Затем у командира экипажа затрещала рация, кто-то поинтересовался, где этого мудака-лейтенанта носит, почему на улицах пусто. Потребовав, чтобы захват блондинчика записали на него, лейтенант удалился – его

бронированная «пташка», стирая покрышки об асфальт, резво умчалась по вызову. Ивана же – представителя золотой молодежи! – пинком под зад толкнули в камеру.

Здесь, за решеткой, не было союзников, зато хватало персов. Более или менее придя в себя, Иван сразу это понял. Он знал, что все персы – грязные и неполноценные и что они злобливы и завистливы. Он с десятков раз перечитывал файл Министерства здравоохранения «О перспективах развития персонала».

Обхватив голову руками, возле унитаза на корточках сидел мужчина в оранжевом комбинезоне экологической службы. Он шумно дышал, и на выдохе от него муторно несло кислым перегаром – накануне, похоже, хлестал эколог отнюдь не шампанское. На топчане напротив сутулый бородатый старик вдруг закашлялся, прикрыв платком рот. Кашель был таким сильным, что старика прямо всего трясло. Иван брезгливо отвернулся, заметив на платке алые пятна.

– Вам полегчало? – Его за локоть тронула немолодая уже женщина в бледно-зеленом комбинезоне уборщицы.

Наверное, недавно она мыла полы, а теперь вот хватается Ивана. Он так шарахнулся от нее, что занял бок.

– Вы бы не делали резких движений. – На морщинистом лице женщины навечно застыло участливое выражение. – Кровотечение я остановила. Но надо обязательно показаться доктору.

Кровотечение?..

Ах да, его же ранили! Все так завертелось, что даже не было возможности... Комбинезон прострелен, компенсаторы вокруг пулевого отверстия пропитались кровью. Иван потянул бегунок «молнии» вниз. Сквозная рана с двух сторон была чем-то залеплена, какой-то пастой.

– Вам повезло, что тут оказалась бумага. Я пережевала ее и... – Женщина замолчала, заметив, что Иван скривился, а потом опять заговорила: – Мы так в лагере делали. Врача у нас не было, а производство травмоопасное... Меня в Москву перевели в качестве поощрения, как самую лучшую. А тут мой начальник, он же мне в дети годится, стал предложения неприличные делать, а я...

Она продолжала нести бред про какой-то лагерь и какие-то свои сексуальные фантазии, но Иван не слушал. Он боролся с желанием выковырять из себя бумажные пробки и не делал этого лишь потому, что понимал – без них он истек бы кровью, женщина спасла ему жизнь. По совести, ее находчивость достойна восхищения. Значит ли это, что персы не такие уж ограниченные? Да и злобным поступок женщины никак не назовешь...

Из состояния задумчивости его вывел рык взъерошенного милиционера:

– Всем отойти от двери! Или открою огонь на поражение!

Во-первых, у двери никого не было. Во-вторых, открыть огонь на поражение резиновой дубинкой крайне сложно, а иного оружия у взъерошенного не было. Иван собрался указать служителю закона на эти несуразности, но в последний момент передумал.

Щелкнул замок, решетчатая дверь со скрипом открылась.

– Давайте сюда эту суку! – опять брызнул слюной милиционер.

Его коллеги, двое громил, притащили паренька в черном комбезе из искусственной кожи, с капюшоном – таком же модном в этом сезоне среди молодежи, как и прикид Ивана. Парню заломили руки так, что лицом он едва не касался пола. И напрасно его пнули под зад – стоило лишь отпустить, сам ввалился бы в камеру. А так он пролетел через все помещение и врезался головой в грудь эколога. Оттолкнув новичка, тот навис над унитазом. В камере резче запахло перегаром.

Следом швырнули какую-то палку. Скрип петель, щелчок замка. Троица удалилась.

– Извини, братан. – Новичок, а был он примерно одного с Иваном возраста, похлопал эколога по спине.

Хоть русые волосы парень коротко стриг, было заметно, что они вьются. Лицо его покрывали мелкие шрамики, будто кожу пинцетом пощипали. Заметно хромая – припадая на правую ногу, – он поднял палку, довольно длинную, вроде бы телескопическую, и, опираясь на нее, подошел к топчану.

– Извини, отец, потесню маленько. – Хромой присел рядом с дедом, который встретил его очередным приступом кашля.

Палка – это трость, понял Иван. А еще у персов бывают костыли и кресла на колесах, он об этом читал.

– Хрена ты на меня уставился? – Новичок поймал его взгляд. – Я тебе чего – порносайт с телочками? Или тебе мужики нравятся?

Жуков-младший, который никогда раньше не видел инвалидов, отвернулся. Ему здесь не место. Он попал сюда по ошибке. Надо выбираться. Подойдя к решетке, прижался к ней сначала одной щекой, потом второй. Если левую половину лица вдавить в прутья, взгляд упирается в дверь в конце коридора. На двери табличка, что там написано – не разобрать, далеко. А вот если правую – видно большую, в половину стены, телевизионную панель в холле, где собрались милиционеры.

По телику показывали «Голодуху». Тип, похожий на обтянутый кожей скелет, брел по пустынной приграничной территории на севере Афганистана. Питаясь скорпионами, без малейшей защиты от зноя, не имея ни капли воды, он сумел протянуть аж два дня. За что его так? Экран заполнила улыбка ведущего программы, с радостью сообщившего, что «скелет» – маньяк, он изнасиловал и убил двадцать семь женщин, коллег по работе на обувной фабрике. Но пора взглянуть на второго участника нашего шоу, которому вовсе не жарко в ледниках Тибета, и еще, дорогие телезрители, знайте, что тот, кто сумеет победить в нашем шоу, получит полное прощение Председателя и пожизненную пенсию в размере тысячи рублей ежемесячно. При этом ведущий подмигнул – мол, мы-то с вами знаем, что этим подонкам не выжить. У него получилось так задорно, что Иван едва не подмигнул в ответ.

Началась реклама – «Приобретайте электрокары «АвтоВВАЗа», единственного производителя в Союзе», – и взъерошенный милиционер, сидевший за столом в конторке из бронестекла, переключил на «Русскую рулетку».

В прямом эфире две женщины неопрятного вида – персы, конечно, – поочередно вращая барабан нагана, приставляли ствол к виску и жали на спуск. В барабане, конечно, один патрон. Каждый третий выстрел – в воздух, на удачу. Шоу продолжается до тех пор, пока одна из участниц не вышибет себе мозги. Если в течение получаса ни одна не умрет, комнату, где их закрыли, наполняют смертельным газом. Поначалу участницы не спешат подносить к голове оружие и корчат страшные рожи, вскрикивают и визжат, но ближе к концу передачи становятся расторопнее... Это шоу почему-то нравилось маме, Ивана же оставляло равнодушным. Зато «Обдолбись и спусти» вызывало отклик в его душе. Ведь там показывали, как аморально и вредно употреблять наркотики, и потому его участники в прямом эфире нюхали кокаин, вкалывали героин и глотали ЛСД, а потом занимались сексом и попутно несли полный бред, описывая свои ощущения.

Все эти реалити-шоу исключительно воспитательные. В них участвуют враги Союза, нарушители общественного спокойствия, шпионы и прочие асоциальные элементы. И чем кровавее шоу, тем более злые противники режима несут заслуженное наказание перед камерами. Есть мнение, что сам Первый придумывает новые шоу, это у него вроде хобби.

Иван уже собрался крикнуть, чтобы выпустили – ему тут не место, нужна «скорая», он же ранен, и отец, и что с мамой, и шпионы... Но тут взъерошенному на потертый, весь в пятнах коммуникатор пришло сообщение, прочитав которое он с видимым неудоволь-

ствием поднялся и обернулся, встретившись взглядом с Иваном. Выпученные от ярости глаза милиционера не предвещали ничего хорошего. Угрожающе постукивая дубинкой по ладони, страж закона направился к камере.

Слова застряли в глотке, Иван просипел нечто невразумительное. А когда резина гулко врезалась в стальные прутья возле лица – отпрянул.

– Ну, сука, на выход! Чего вылупился?! Да, ты, кто ж еще?! На выход! Живо!

– Как вы со мной разговариваете?.. – выдавил-таки из себя Жуков-младший и расправил плечи. – Отведите меня к вашему начальству!

– Да без проблем. – Взъерошенный гнусно захихикал. – Министр внутренних дел уже ждет.

Эта новость взбодрила Ивана так, что даже боль в боку почти утихла.

– Василий Иванович здесь? Отлично. Немедленно сопроводите меня к нему!

Сзади, от топчана, где сидели старик и новичок, послышалось:

– Во дурак! Какой дурак!..

Гордо задрав подбородок, Иван вышел из камеры.

Под ногами сначала зашуршал линолеум, а в кабинете, куда его сопроводил милиционер, закрипел паркет. Здесь было тускло и дуло в спину из щелей оконной рамы. Стекла за решеткой ржавых прутьев не мыли небось с самой Революции. У потолка медленно вращал лопасти вентилятор. Стальной сейф ютился в углу. За столом, заваленным шелестяшками из-под чипсов, сидел худой как скелет мужчина в коричневом пиджаке, потертом на локтях. Из-за чрезмерной общей стройности мужчины его нос, лоснящийся от жира и покрытый черными угревыми точками, выглядел несуразно большим наростом.

– Свободен, – устало бросил мужчина, и взъерошенный скрылся за дверью.

Веки хозяина кабинета воспалились от недосыпа, галстук на шее болтался мятой тряпкой, верхние пуговицы рубашки были расстегнуты. Неопрятность – это местный шик, понял Иван. Присесть ему не предложили, и он встал посреди кабинета, брезгуя перекошенным офисным стулом, наверняка предназначенным для посетителей.

Пауза затягивалась.

– А где Василий Иванович? – Жуков-младший не выдержал первым. – Кто вы такой?

Не удосужившись дать ответ, носатый вытащил из ящика стола новую пачку чипсов, открыл ее и принялся смачно хрустеть, закидывая в рот желтоватые изогнутые пластинки, напечатанные небось самым паршивым матрикаторм в Москве. В животе у Ивана забурчало.

– Ну что, сознаваться сразу будем? Или устроим сначала садо-мазо? – Без малейшего интереса носатый взглянул на Ивана. – Предупреждаю: боль причинять буду я.

Жуков-младший презрительно смерил взглядом его тщедушную фигурку.

– Я так понимаю, министра внутренних дел здесь нет. Он бы не позволил развести тут бардак. – Заметив край коммуникатора под грудой мусора на столе, Иван потребовал: – Немедленно свяжите меня с руководством. Или с министром восстанавливаемых ресурсов.

Мысль попросить о помощи Бадоева только что пришла ему в голову, ведь отец и Гурген Аланович – друзья и соратники, они столько лет вместе, плечом к плечу работали на благо Союза. Бадоев конечно же поможет разобраться в непростой ситуации и наказать виновных.

– С кем, с кем?! – Подтянув к себе коммуникатор, носатый улыбнулся, продемонстрировав гнилые зубы, а потом громко, с удовольствием расхохотался.

В милицию только смешливых берут? Патрульные, теперь этот... Иван решил не горячиться, ведь у персов с мозгами проблемы, им нужно несколько раз повторить, чтобы дошло. Не обращая внимания на смех, он рассказал про шпионов, которые проникли к нему домой, взяли отца в плен, стреляли в маму и ранили его, Ивана.

Обтянутое серой кожей лицо носатого стало серьезным, он слушал куда внимательнее, чем экипаж панцера, и даже задал несколько вопросов. Потом достал из стола сканер и велел приложить руку, что Жуков-младший, подойдя ближе, и сделал.

И ни писка, ни отпечатка ладони на сенсорном экране.

В МГУ, проходя через пропускник, Иван каждый раз кладет руку на сканер. Раздается писк. А когда убирает ладонь – на экране остаются светящиеся папиллярные узоры пальцев, которые гаснут, стоит только проследовать дальше. Биометрические данные каждого, кто рожден в СДР, занесены в специальную базу, определяющую степень допуска того или иного гражданина. Помимо отпечатков пальцев, сканер считывает информацию с чипа, вшитого под кожу на запястье. Вот только чипа под кожей у Ивана никогда не было, ибо он принадлежал к особому классу союзников.

– Еще раз. – Носатый нахмурился.

Иван вновь прижал пятерню к сканеру. И опять безрезультатно.

Задумчиво отобрав сканер, носатый решил испытать его на себе. Заверещав, устройство подтвердило личность – Иван успел прочесть с экрана, что носатого зовут Адольф Петрович Шухов и что он старший следователь второго отделения милиции Москвы.

– Еще раз.

Иван послушно шлепнул ладошкой по сканеру. Никакой реакции. А ведь старшего следователя определяет – значит, исправен. Но почему тогда в упор не видит Ивана Владленовича Жукова?..

– Сознаться сразу будем? – пробормотал носатый, достав из стола пластиковый лоток, в котором лежали ключ от квартиры Сидоровичей и еще парочка безделушек из карманов Ивана – все конфискованное при аресте.

– Нет уж, устроим садо-мазо! – вспыхнул Иван, сжав кулаки.

Вмиг оценив настрой собеседника, следователь сунул руку под пиджак, где на боку что-то оттопыривалось, скорее всего пистолет в кобуре.

А ведь дверь заперта, на окне решетка. Пристрелит носатый, да и все. Подчиняться власти – это верно, но есть же предел. Чуть присев, Жуков-младший изготовился к прыжку на следователя. Их взгляды встретились, и...

Завибрировал коммуникатор – пришло сообщение.

Иван замер.

Не вынимая руки из-за пазухи, следователь на миг скосил глаза на экран, потом опять уставился на задержанного. Губы его шевельнулись:

– Как, говоришь, зовут тебя?

– Иван Жуков. Иван Владленович Жуков. Мой отец – министр иностранных дел.

Одной рукой набив что-то на коммуникаторе – устройство завибрировало, сообщение ушло, – следователь, улыбнувшись, засветил гнилье во рту:

– Лучше бы тебе, щенок, не то что не родственником, но даже не соседом оказаться бывшему министру Жукову.

Бывшему министру? Слово за шиворот плеснули холодной воды.

– Это еще почему?..

– Враг народа Владлен Жуков арестован по подозрению в шпионаже в пользу иностранных государств. Во время ареста его жена оказала злостное сопротивление и была уничтожена группой захвата.

Слово «уничтожена» не просто резануло слух – им, тяжелым, пудовым, с размаху впечатали в пах. Иван едва устоял на ногах. Вспыхнуло: мама упала в кресло, разметались волосы, на красивом лице застыло испуганное выражение... Он гнал прочь тревожные

мысли, не хотел верить в очевидное. Она мертва, ее убили. Мама, как же так?! И отец – враг народа... Отец – враг?! Этого не может быть! Он – истинный союзник, он... Он не мог?..

– Это какая-то ошибка. – Во рту пересохло, ноги дрожали. – Кто-то напутал.

Следователь потянулся за чипсами.

– Ошибка? Это вряд ли, у нас ошибок не бывает. Посидишь тут пока... Жаль мне тебя, щенок. А я ведь предлагал сознаться сразу.

Посидишь? Ноги подогнулись, Иван опустился на кривой офисный стул, едва не выскользнувший из-под него.

Верить сказанному следователем решительно невозможно. Или все-таки?..

Мать мертва. А отец – враг народа, заговорщик?

Сканер не определил Ивана, потому что нет такого в базе данных, не с чем сравнить отпечатки пальцев – по сути, Жукова-младшего уже стерли, лишили гражданства. Но если даже предположить, что отец действительно враг – чушь, быть этого не может! – то в чем виноват Иван?! За что с ним так?! Ведь ничего противозаконного он не сделал!

Неужели это все из-за пробежек по крышам?..

* * *

Пахло в кабинете жареным мясом и специями. Босс обожал шашлык из молодых барашков-клонов.

– Урод, ты что там устроил?! Новую Революцию?! Совсем охренел?! Был же четкий приказ!

Ты не видишь человека, который орет на тебя так, будто ему в штаны сыпанули раскаленных углей. Там, откуда ты родом, горячие шутки в ходу.

Голова опущена. Начальство в ярости, лучше не встречаться взглядом. Ты пережил слишком многих, чтобы иметь смелость – глупость – нарушить это неписаное правило. Смотри в пол – авось пронесет. Лишь полное смирение способно утихомирить Босса. Он любит себя так величать, и не стоит отказывать в этой малости даже за глаза.

Рука непроизвольно дернулась, пальцы коснулись шрама, что рассек лицо от волос до подбородка. Этот жест выдал твое раздражение. И Босс заметил. Хоть ор не прекратился, выражения стали чуть мягче. Тебя, Григора Серпня, по-прежнему обвиняли во всех смертных грехах, но больше не называли «чмом, нах здесь не нужным», чью мать он, Босс, любил в сладкие губы.

Жутко хотелось курить.

Ты прислушался к раскатам эха. Кабинет Босса был достаточно просторным, чтобы звук отражался от стен. Даже не поднимая головы, ты мог описать роскошную обстановку. Кресло под задницей Босса и диван обтянуты молочно-белой кожей. На столе из дуба блестят золотые подставки для антиквариата – «паркеров», ножей для бумаги и упаковок стикеров. Подставки эти Босс заимел исключительно для красоты. Как и фарфоровые вазы на полках. А заодно и пепельницу, подвинутую чуть ли не под нос тебе, притом что в кабинете Босса дымить запрещено.

Но главное – кабинет защищен от любого внешнего воздействия и рассчитан на годы автономки. Случись снаружи ядерная война, внутри никто и не заметит. Сказанное здесь навеки здесь же и остается – тут невозможно вести запись на какой-либо носитель. Единственный коммуникатор, способный работать в поле постановщика помех, – это коммуникатор Босса, сделанный юным гением, электронщиком от бога, скончавшимся сразу после выполнения заказа.

– ...верну туда, откуда вытащил! В гнойный вонючий лагерь, где ты подышал у парашаи, вымаливая подачки вертухаев!

Не поднимая глаз на Босса, ты кивнул – мол, да, там мне самое место, у присыпанного хлоркой санузла.

Все эти годы в Москве ты ни на миг не забывал, кто ты и откуда. Слишком уж хотелось вычеркнуть из памяти прошлое, жить настоящим, без себя прежнего. Все твое с тобой. И потому ты точно знаешь: никогда ничего не просил, но брал сам, и вертухаи боялись соваться в ту часть лагеря, где обитал ты со своей бандой – такими же худыми и злобными малолетками, желудки которых переваривали абсолютно все, даже бетон и ржавую колючку. Единственное, чего ты терпеть не мог ни в жареном, ни в каком вообще виде, – это крыс. Ты ненавидел мерзких хвостатых тварей, способных напасть на спящего старика или младенца и загрызть до смерти, обглодать.

Лагерь. Чумазые друзья, которых никто не научил улыбаться... Как же давно это было. – Григор, у тебя двадцать четыре часа, чтобы найти жуковского выблядка.

Надо же, Босс вспомнил твое имя. Неужели все так серьезно? Зачем вообще понадобился какой-то пацан, пусть даже сынок опального министра?

– Чего стоишь? Выполнять надо! Пошел вон!

Ну вот, другое дело. Теперь все в порядке, все как всегда.

Ты попятился к выходу, не отрывая взгляда от носков своих ботинок.

– Нет, погоди, – велел Босс.

Он почти что взял себя в холеные ручки: прекратил метания по кабинету, сел в кресло и закинул ноги на стол – каблуки стукнули по полировке. Последнее – верный признак того, что он пытается совладать с собой.

– Говорят, предательство Жучары шокировало Первого, тот даже слег. Что думаешь по поводу?

Ты неопределенно мотнул головой. Мозговой активности нет в списке служебных обязанностей Григора Серпня, ищейки и спеца по щекотливым поручениям.

Впрочем, соображения имелись. Первый еще твоих внуков переживет, задумай ты завести детей. Со здоровьем у него полный порядок: медосмотры регулярны, замена органов и прочие процедуры – без очереди, часто профилактически. И нервы титановые, никакое предательство не заставит его пульс участиться хотя бы на удар. А значит...

Что это значит? Да все что угодно. Одно несомненно: странное поведение Первого и нынешняя истерика Босса как-то связаны с арестом министра иностранных дел Владлена Жукова.

– Ладно уж, иди. Чего встал?

И то верно, негоже отвлекать Босса от дел государственной важности. Не зря ведь мясом пахнет.

Ты откланялся. И как только массивные бронеплиты дверей с чмоком сомкнулись – уплотнители не пропускают воздуха извне, – вмиг разогнулся. Хватит угодливости и подбострастия.

– Храним и бдим? – Ты зажег спичку о кевларовую грудь охранника-киборга, закурил. Тяжелая штурмовая винтовка с трехгранным штыком в лапищах этого увальня выглядела безобидной зубочисткой.

И таких вот, с «зубочистками», тут было еще пятеро. И это только непосредственно у покоев Босса. Дальше по коридору – больше: огнеметы, сканеры, пушки-роботы. На пути к подземной стоянке – три КПП. Босс помешан на личной безопасности. Прежде чем в платок чихнуть, снимет отпечатки ткани и сверит сетчатку нитей. Ты направился в долгий путь к своему электрокару.

Было над чем поразмыслить. Ведь кто-то – не Владлен Жуков, не член его команды – стер всю инфу об Иване Жукове из всех баз данных Союза. Типа такого человека никогда не существовало. Отследить Жукова-младшего по какой-либо его деятельности – покупкам,

учебе, запросам в Сети – невозможно. Москва истыкана микрофонами, которые фиксируют голоса. Но толку с того? Ведь нет ни единого образца голоса Ивана. Видеокамеры на каждом углу, но нет ни одного фото, ни одного видеофайла с парнем. Мало того, все записи всех камер наблюдения за последние сутки уничтожены из-за скачка напряжения в городской сети. По крайней мере так тебе сказали работнички отдела наружки, хакерская зона по ним плачет.

С виновными и с теми, кто попал под горячую руку, ты уже разобрался. Составляются портреты Жукова-младшего со слов очевидцев, но это займет какое-то время. К тому же в последний раз Ивана видели в маске поросенка – в квартире Жуковых, иначе ты сам составил бы портрет. На улицы выгнали всех патрульных. Все беспилотники в воздухе. Твои люди сбились с ног, разыскивая мальчишку.

Ничего, в гробу отдохнут. Или в крематории.

Подобрав полы плаща, ты уселся на водительское кресло и прикурил следующую сигарету от обугленного фильтра предыдущей.

Завибрировал коммуникатор.

– Ну что там еще? – Ты, затянувшись, взглянул на экран.

Сделан запрос во всесоюзную Сеть на подтверждение личности Ивана Жукова. Запрос из милицейского участка. Пару секунд программа вычисляла номер девайса, с которого заветные слова попали в Сеть, затем высветилась строка цифр. Ты набил короткий текст, к которому прикрепил электронную печать Босса. Заодно координаты участка ушли группе захвата – верным парням без страха и упрека, готовым отрезать голову собственной матери, если ты прикажешь.

Электрокар сорвался с места и, набирая скорость, метнулся прочь из бетонного подземелья.

Мальчишке кто-то помогает, все это неспроста, подумал ты.

И хищно осклабился, чувствуя, что напал на след.

* * *

Следователь методично поглощал чипсы, а Жуков-младший соображал, что делать и как быть. Ничего толкового в голову не приходило.

А потом дверь кабинета с грохотом распахнулась – ее хорошенько пнули, выбив замок. В помещение ворвались вооруженные «калашами» люди в длинных плащах и в шлемах.

Иван оторопел. Даже не сразу узнал скуластого со шрамом, что стрелял по нему дома. Болезненная кожа на лице подонка в скудном освещении казалась синюшной, неживой. В кабинете резко завоняло синтетическим табаком – сигаретный дым человек со шрамом выпускал через нос.

Почему он здесь?! Неужели шпионы связаны с милицией?! Следователь – продажная сволочь!

Жуков-младший вскочил, стул с грохотом упал. Люди в плащах мгновенно вскинули автоматы с длинными глушителями, вспыхнули глазки лазерных прицелов. На груди заплясали красные точки.

– Хочешь жить – не дергайся. – Шрам заслонило облако дыма, после чего прозвучал приказ спеленать сына врага народа, и чтобы деру не дал, как в прошлый раз.

Не опуская «калашей», к Ивану шагнули двое.

– Уважаемый, не знаю ни вашей должности, ни звания... – Носатый следователь, отложив чипсы, встал из-за стола. – Короче, оформить надо все как следует. И нестыковка есть: личность этого щенка не подтверждена. И у нас не курят.

Говорил он столь решительно, что автоматчики остановились. Но на их командира носатый не произвел впечатления.

– Сядь и не отвечивай. – Шагнув ближе к столу и перекрыв собой сектор обстрела, человек со шрамом всего на миг отвлекся на следователя.

Вот тогда Иван и бросился на него. На что рассчитывал? Думал, справится с шестью вооруженными мужчинами – пятью шпионами и следователем? Надеяться на это было глупо. И потому он просто хотел свернуть шею хотя бы главарю кодлы в плащах, отомстив за смерть матери.

Увы, этому не суждено было сбыться.

Грохнуло и жарко полыхнуло. В клубах дыма и пыли обрушилась стена кабинета.

В простреленный бок ударил обломок кирпича – охнув, Жуков-младший чуть отступил и поднял руки, защищаясь от неведомой опасности. Поврежденные компенсаторы комбеза не сработали. Как же так? Что случилось?.. Следователь лицом уткнулся в упаковку из-под чипсов, и по столешнице растеклась алая лужа. И пыхтел под забралом от натуги некто в плаще, пытаясь столкнуть с себя знатный шмат стены. А человек со шрамом, прежде чем все заволокло дымом, встал на колени, прямо как отец недавно.

Из копоты и пыли донесся крик:

– Жуков, на пол!

Иван подчинился, не задумываясь. Рефлекторно свалился на цементную крошку. Уж больно ситуация щекотливая, чтобы думать.

Направив автоматы в угар, уцелевшие автоматчики вдавили спусковые крючки. Бесшумные выстрелы выдавал лишь звон падающих гильз да визг рикошетов. А потом разом закончились патроны, чуть ли не синхронно отщелкнулись магазины – и тут послышался один хлопок, второй, третий... Рядом с Иваном, смачно хрястнув шлемом по обломку стены, свалился труп в плаще. Резко пахло горелым мясом. Там, где у нормальных людей живот, у трупа зияла дыра, в которую пролетел бы футбольный мяч. Чуть дальше легло еще одно тело.

Только бы не закашляться, не привлечь внимания – дым-то едкий, в горле першит. Жуков-младший пополз к пролому в стене. Кто-то схватил его за лодыжку. Не оборачиваясь, он лягнул свободной ногой, попал во что-то твердое – хватка сразу ослабла. На локтях и коленях продолжил путь.

У пролома было совсем уж дымно, глаза щипало, в горло словно плеснули кипятка. Иван закашлялся, чуть легкие не выплюнул. Потер глаза, и напрасно – только добавил под веки пыли.

Его вновь схватили, на этот раз за предплечье. Иван отмахнулся, но вцепились крепко. И потащили, как выяснилось, туда, где дышалось легче.

– Сам пойдешь или нести? – услышал он. А секунду спустя, проморгавшись-таки, увидел хромого парня из камеры.

Откуда здесь взялся? Как вообще?.. Иван завертел головой по сторонам, потом кивнул: типа могу стометровку пробежать, если надо.

– Ну и хрена стоишь, лицом торгуешь?! Или тут остаться хочешь? – Хромой дернул за предплечье так, что оставалось либо грохнуться, либо засеменить за ним.

Второй вариант устроил больше. Но миг спустя привычным движением – от захвата уходят в сторону большого пальца атакующего – Иван решил избавиться от навязчивой опеки. Увы, свободу не обрел, ибо держал хромым на удивление крепко, Жуков-младший словно угодил в тиски. Зато в горле полегчало вроде.

– Ты кто такой?

Главное – задать тон. Командный. В универе учили разговаривать с теми, кто ниже статусом. Были еще спецкурсы по управлению персоналом и армейскими подразделениями,

менеджменту предприятий и так далее. Раньше Иван не общался с персами, но ведь надо когда-то уже применить теорию на практике.

– Что происходит?!

Ответа не последовало. Опираясь на трость, хромой потащил Жукова-младшего за собой по коридору. Вот и знакомая камера. Решетку разворотило, обломки прутьев выгнуло. Изнутри на парней испуганно взглянула женщина-уборщица, экологу еще не полегчало, а старик все так же сидел на топчане.

Навстречу Ивану и его спутнику спешили двое здоровяков в форме. Похоже, ЧП оторвало их от трапезы, ибо головы здоровяков не прикрывали сферы, зато белые салфетки прикрывали грудь. Оба явно хотели побыстрее разобраться с проблемой и вернуться к чревоугодию. Щекастые морды аж побагровели от усердия.

– Мужчины, вы бы вернулись к своим корытам прямо сейчас. – Хромой топал довольно резво, почти уже не припадая на ногу.

Увы, стражи закона не восприняли его всерьез. Наоборот – яростнее замахали на бегу дубинками.

– Жаль. – Не останавливаясь, хромой навел трость сначала на одного – вспыхнуло, а потом на второго – опять стало ярко.

Иван даже ослеп немного, но не оглох – услышал грохот. А как только пропали цветные пятна в зрачках, увидел обоих милиционеров на полу – мертвецы перегородили собой коридор.

Трость – вовсе не безобидная опора для инвалида. Внутри телескопической трубки, похоже, размещены баллон со сжатым воздухом и обойма небольших железных шариков, которые из трубы выдувает в направлении цели. При попадании в твердую преграду – в бронжилет милиционера, например, – шарик размазывается, превращаясь в блин с внушительным радиусом. Герметичность железной оболочки нарушается, начинка окисляется, происходит экзотермическая реакция. Тепла выделяется достаточно, чтобы не только прожечь кевларовые пластины насквозь, но и чтобы вынести дверь вместе с кирпичной кладкой.

А раз так, то... Кто, черт возьми, этот хромоножка в черном комбезе?!

В стремительный поток мыслей ворвался крик взъерошенного:

– Куда, суки, собрались?!

У этого стража порядка проблемы с инстинктом самосохранения. Заметив трупы коллег, кто бы, брызгая слюной, стал орать на убийцу? Точно не Жуков-младший.

– Куда, суки, собрались, я спрашиваю?!

– На прогулку. – Чтобы перезарядить «трость», нужно было посильнее сжать набалдашник. Щелчок – оружие встало на боевой взвод.

– Да вы у меня кровью ссать будете! – С дубинкой в руке взъерошенный выскочил из-за бронестекла.

Раздался хлопок. Грудь милиционера заляпало голубой слизью – будто кто высморкался, а через миг коридор озарила вспышка. Взъерошенный даже не понял, что случилось, его мозг еще жил, хотя легких и сердца не осталось. Пройдя пару шагов, он что-то даже просипел, а потом рухнул навзничь.

– Ты что делаешь?! – вскинулся Жуков-младший. – Нельзя! При исполнении... Люди же!

– Да ладно... На́ вот тебе.

В ладонь ему легло удостоверение личности элитного союзника – плоский прямоугольник размером с большой палец руки с выжженными на нем буквами «Иван Владленович Жуков».

– На память о прошлой жизни. И не стоит благодарности. – В руке у хромого возник тетрапак с апельсиновым соком, по прозрачной трубочке скользнула к губам желтая жидкость.

Сок?.. Иван мысленно примерил поверх коротких русых волос капюшон и прикрыл мелкие шрамики лица портретом Председателя. И животик имеется, и комбез из черной искусственной кожи. Как же сразу не догадался?! Тот самый ублюдок, что бросил ему вызов на крыше!

Иван расправил плечи, сжал кулаки.

– Узнал-таки? – Последние капли сока скользнули по трубке вверх. – Меня, кстати, Тарсус зовут. Но ты, малыш, можешь звать меня начальником. Да, так лучше всего.

На пробежке, когда столкнулись, этот Тарсус украл у Ивана чип. Очень ловко украл, умело. Но зачем кому-то чужое удостоверение личности? Оно настроено на конкретную биометрию, только хозяин может им пользоваться.

– Думаешь, зачем я взял? Надо ж было убедиться, что ты – тот, кто нужен.

Пустой пакет упал на пол.

Из динамиков у потолка раздался вой сирены. Голос, записанный много лет назад, потребовал: «Всем оставаться на своих местах! Запрещено покидать участок до особого распоряжения властей!»

Только сейчас Жуков-младший заметил, что «зрочки» видеокамер, натканных тут и там, устремлены на него и Тарсуса. Да их же снимают!

Он шагнул к ближайшей камере и, задрав голову, четко произнес:

– Меня зовут Иван Владленович Жуков. Я и моя семья... мы – жертвы, на нас напали шпионы! Мы...

«Трость» с треском сложилась в небольшой цилиндр.

– Жаль, заряды закончились. Эй, жертва, ты чего, не врубился? Папашу твоего арестовали как врага народа, и сам ты теперь – враг. А с врагами в Союзе не церемонятся.

После бойни в милицеем участке Ивану трудно будет доказать, что он ни при чем, просто стоял рядом с убийцей, разговаривал с ним, и вообще... Но видеокамеры-то засняли случившееся в подробностях, а значит, все в порядке, видно же, что Иван не виноват!

– Сюда скоро со всей Москвы менты сбегутся и нас живыми брать не будут. Ты как хочешь, малыш, а я пошел. У меня на вечер планы.

На экране телевизора «Русская рулетка» подходила к концу. Обе женщины были еще живы. Ругаясь, они по очереди вращали барабан и подносили ствол к виску. И все это быстро-быстро – осталось меньше двух минут до того, как им в комнату пустят смертельный газ.

Стоит ли надеяться на помощь милиции после того, как Ивана сдали шпионам? Нет. Возможно ли, что, прибыв сюда, слуги закона откроют огонь на поражение? Да. А если он погибнет, это никак не поможет отцу. И за мать он так не отомстит. А парень в черном, Тарсус, какой-никакой, а все же союзник – защитил ведь от шпионов. Правда, его мотивы неизвестны, но...

Убраться отсюда, дожидаться реакции властей на случившееся? Вариант. В любом случае здесь оставаться бессмысленно и опасно.

Иван шагнул за Тарсусом, который как раз взял за руку то небольшое, что осталось от взъерошенного милиционера, и потащил к выходу. Оставляя багровый след, по полу волочились ноги в ботинках с высокими берцами. Ивана затрясло. До сего момента он лишь отстраненно *наблюдал* за гибелью людей, очень ему неприятных, но сейчас *прочувствовал* то, что случилось, и ужаснулся легкости, с которой парень в черном отбирал жизни.

– С вещами на выход.

Ладонь мертвеца прижалась к замку на раздвижных дверях из бронестекла.

Сирена выла, динамики дребезжали, запрещая покидать участок. Но ведь сотрудникам можно, да?

Жуков-младший оскользнулся на крови. Еще немного – и растянулся бы. Простреленный бок обожгло болью. Взмахнув руками, он встал на одно колено.

И это спасло ему жизнь.

С визгом стирая покрышки об асфальт, напротив выхода из участка затормозил танк. Очередь из автоматической пушки ворвалась в щель меж бронированных створок – Иван как раз завершил свой кульбит. Пули вжикнули над головой, ударили в стену позади, раздробив пластиковые панели. Не дожидаясь поправки прицела, он растянулся на полу и пополз прочь от выхода. Это направление показалось наиболее логичным. Но Тарсус считал иначе. Он без труда поднял Жукова-младшего, будто тот разом стал легче на все свои семьдесят с мелочью килограммов.

– Держись крепче. – Закинув Ивана себе за спину и не дожидаясь, пока он исполнит команду, Тарсус в два прыжка вернулся к выходу из участка.

Пальцы впились в искусственную кожу. Как-то Жуков-младший прокатил на себе Лали – его «подвеска» позволяла брать такой вес. И ничего удивительного по сути Тарсус не сделал. Вот только не было нынче на нем «подвески».

Пули свистели со всех сторон. Чудом еще не нашпиговало металлом. Или чудеса тут ни при чем и Тарсус умеет выбрать оптимальный маршрут в огненном ливне из танка, к пушке которого присоединились спаренный пулемет и автоматы из распахнувшейся двери боевого отделения?

«Запрещено покидать уча...» Динамик над макушкой разорвало на куски и микросхемы.

И вот уже союзник с персом в прыжке миновали распахнутые створки.

Упав на асфальт и вновь оттолкнувшись, Тарсус приземлился на броню танка, а затем, отпружинив от нее, точно мячик, метнулся к вертикальной стене дома. Иван закрыл глаза, ожидая удара о бетонную вертикаль и падения. И да, его основательно потрянуло, пальцы едва не разжались, но падать не входило в планы Тарсуса. Каким-то образом он сумел прилипнуть, что ли, к стене. И тут же, не теряя времени, вместе с живым грузом за спиной начал подниматься по небоскребу. Рывок – и они уже на третьем этаже. Еще рывок – и следующий балкон, выше, покорен. Потом – распластаться по бетону, вжаться в него, вновь как бы прилипнуть и миновать так несколько метров...

Жаль, на пушки и пулеметы не ставят глушители. Грохот выстрелов раздражал неизменно, рикошеты нервировали, хотя ко всему этому союзник привык в симуляторах военной кафедры. Лишь сейчас он сообразил, что, точно живой щит, прикрывает собой Тарсуса. Может, для того только и нужен? Ну уж вряд ли. По крайней мере – не только. И вообще – успокойся, крепче держись и надейся, что парень в черном не сорвется. Силен, ублюдок, неизменно силен, раз способен без «подвески» тащить на себе человека.

Но ведь это невозможно в принципе! Если б кто рассказал – Иван рассмеялся бы.

Как не поверил бы, и что жизнь может так круто измениться за считанные часы...

Грохот выстрелов смолк. Иван посмотрел вниз. Пушку танка вместе пулеметом заклинило в крайнем верхнем положении. Беглецы теперь вне сектора огня громкого оружия. Но выберись патрульные из-под брони и жакни из табельного оружия, парням несдобровать. Вот только brave ребята в шлемах и бронеках не спешили лезть на рожон. Промотрели уже небось по Сети бойню в участке – камеры-то в онлайн.

– Ох! – После очередного рывка к крыше Иван таки сорвался.

Пальцы разжались, он скользнул вниз. И ухватился за лодыжку повисшего над бездной Тарсуса. Высоко забрались. Из-за резкого смещения центра тяжести перса едва не оторвало от стены, к которой он действительно прилип предплечьями и коленями. Иван

сильно-сильно зажмурился, открыл глаза. Нет, не показалось. Кожистую присоску, проросшую прямо из тела Тарсуса сквозь разрыв в комбесе, он видел отчетливо. Ущипнул бы себя для пущей достоверности, но руки заняты. Перехватившись за голень, чуть подтянулся. Мышцы под комбесом Тарсуса словно отлили из стали. Вместо натуральной плоти у парня в черном импланты? Причем особые, неизвестной модификации? А та невзрачная «подвеска», что была на «Председателе», – не более чем мишура для отвода глаз?

Без резких движений Жуков-младший взобрался обратно на спину Тарсуса. Выдохнул с облегчением. И услышал знакомое всем и каждому стрекотание. Вертолеты-беспилотники, или просто дроны, – неперменный атрибут Москвы. Каждый житель столицы видит их сотню раз за день, не меньше. Размером в половину электрокара, дроны постоянно, как и дирижабли, кружат над городом. Но у дирижаблей маршрут запрограммирован, а беспилотники, управляемые операторами, могут спускаться к асфальту и подлетать к окнам. Потому что мама всегда задерживала занавески – не хотела, чтобы подсматривали.

«Мама, я отомщу за тебя!» – поклялся Иван.

Беспилотник завис метрах в десяти от стены. Трепало волосы потоком воздуха от его лопастей. Динамики, встроенные в фюзеляж, загрохотали во всю мощь мембран: «Внимание! Вы подозреваетесь в нарушении общественного порядка. Также вы подозреваетесь в убийстве граждан Союза Демократических Республик. Также вы подозреваетесь в убийстве сотрудников органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей. Также вы...»

Кожистая складка – присоска – на правом локте Тарсуса с чмоком отлепилась от стены. Парней сильно накренило.

«...немедленно сдаться властям. У вас есть десять секунд, чтобы сделать это, после чего будет открыт огонь на поражение. Девять... Восемь...»

Тарсус натужно задышал. Лицо его побагровело, на висках выступили вены. Что-то пошло не так, организм его не слушался, присоска скукожилась, не раскрывалась и не липла к бетону.

«Шесть... Пять...»

Многоствольные пулеметы – по одному на пилонах по бортам беспилотника – с жужжанием провернулись. Автоматы заряжания подали ленты. Все, винтокрылая машина готова к бою.

«Три... Два...»

И тут полыхнуло.

Ударной волной Ивана вдавило в спину Тарсуса, а самого Тарсуса – животом и присосками в вертикаль. На миг стало жарко. И жар этот был таким сильным, что Жуков-младший забеспокоился, не загорелись ли волосы. К счастью, обошлось. Он обернулся. Обломки беспилотника разметало. Кус пластикового обтекателя ударил в ногу, оставив дымящийся мазок расплава. Десятки разных обломков – больше, меньше, с острыми кромками, коптящие и нет – врезались в стену тут и там, выше и ниже. А потом земное притяжение уронило все эти разрозненные уже части на проспект.

Из панцера внизу высунулись было патрульные, но, попав под горящий дождь, раздумали героизмовать.

А человек со шрамом стоял у входа в участок, за кормой панцера. Выжил, значит. Жаль, Тарсус не наподдал ему шариком из «трости». Во рту ублюдка дымилась сигарета. Неужто чада в участке не хватило? На плече его покоился ПЗРК¹ того самого образца, которым комплектовались оружейки милиции. Пусковая труба задралась. «Шрам» щурился, разглядывая

¹ ПЗРК – переносной зенитно-ракетный комплекс.

в оптику прицела две фигурки на стене. Именно он сбил беспилотник за секунду-две до того, как оператор дрона открыл бы огонь на поражение.

Но зачем?!

Иван не знал. И отсутствие вариантов его беспокоило.

Глава 3

Подземная Москва

Новая весть от Серпня: «Объект ушел».

Едва не смахнув со стола коммуникатор, Бадоев вскочил с кресла. И нервы тут ни при чем. Просто надо размяться. К примеру, пройтись по кабинету туда и обратно раз двести. Чем не пробежка трусцой по стадиону? Говорят, во время марафона хорошо думается. А думать – полезно.

Чтобы инициировать арест министра иностранных дел, много не потребовалось: Гурген Аланович отправил личное сообщение Первому, присовокупив файлы, якобы подтверждающие его очень смелое предположение. Сведения эти были не то чтобы однозначны, но Первый тотчас выдал постановление на арест и поручил процедуру не кому-нибудь, а Гургенчику, как он ласково звал Бадоева. А вот Бадоев про себя называл Первого жертвой ядерной бомбардировки – насмотрелся на рожденных в лагерях вблизи воронок.

И тут возникает вопрос: зачем было сдавать не просто коллегу и соратника, но друга?

Ответов несколько. Во-первых, друзьями министры давно уже считались лишь номинально. После Революции прошло много лет, и потому соратники надоели один другому до изжоги. Во-вторых, Жучара повадился критиковать Министерство восстанавливаемых ресурсов. Особенно налегал на «несостоятельную демографическую политику в трудовых лагерях». Заковыристая формулировка. Небось неделю собой гордился, эту хрень придумав... Так что, прознав о темных делишках Жукова – безобидных, но все-таки, – Гурген Аланович без сожаления использовал шанс избавиться от товарища по бурной молодости.

Экстренное совещание министров прошло без участия Жучары. Его-то уведомить не удосужились. Итог: единогласное «да» аресту оборотня и врага народа. Причем вердикт вынесли, даже не дослушав до конца обвинение, зачитанное лично Первым. Мало того – группа захвата под руководством Григора Серпня уже готова была приступить к задержанию.

Но Первый велел не спешить. Точнее, попросил отсрочить силовые действия по отношению к бывшему министру. Не мог он – официально, по статусу – отдавать приказы Бадоеву. А вот неофициально – запросто. «Пусть Владлен выступит. Занятно говорит, интересно слушать», – сказал Первый, идиотски, как обычно, улыбнувшись и огладив лысину. Любил он поиграть с обреченной уже жертвой, посмотреть, как она корчит из себя нечто важное, трепыхается еще, будучи уже трупом не только политическим. Обожал он подобные развлечения.

И все бы ничего, но перед самым финальным аккордом Жучары его сынок возьми да прояви интерес к Лали: обниматься полез, спортсмен недоделанный. А та, дура, нет бы залепить пощечину – принялась кокетничать. И не то чтобы Гурген Аланович слишком строгих правил – всю сознательную жизнь в Москве, – но уж очень не ко времени случились любовные игрища. Его чуть кондрашка не хватил, когда он увидел это безобразие на сцене. На ужимки его любимой дочери палили сотни людей, знавших, что Жучара и его семья обречены!..

В сердцах Бадоев грюкнул по столешнице кулаком. Затем продолжил променады от стены к стене.

Как он проморгал, что Лали и мальчишка сблизилась?! Куда смотрел?! И главное – куда смотрела его личная служба безопасности?! Гурген Аланович сбавил шаг, припомнив вдруг, что в столе лежит целый ворох неразобранных донесений, написанных корявыми почерками

дебилов, с трудом освоивших грамоту. Все, что касалось семьи, существовало лишь в единственном твердом экземпляре – и никакой «цифры», доступной умельцам-хакерам!..

Он вытащил папку. Два шага – и диван жалобно скрипнул. Даже в юности Гурген Аланович не отличался стройностью, а нынче и подавно. Пробежав глазами по чернильным строчкам, он в ярости отшвырнул все. Листки бумаги разлетелись по кабинету. Настроение окончательно испортилось, ведь придется собирать, такое никому не доверишь.

Кряхтя, Гурген Аланович опустился на пол.

...А тут еще Жучара позволил себе шуточку, крайне неуместную – мол, скоро породнимся, дружище. Первый рядом стоял, все слышал, все видел – и улыбался, жертва мирного атома, так... ну так... да хрен его знает как! Вот только Бадоева от той улыбки едва не прослабило. Юморок Жучары, поползновения его сына – все это, если надо, послужит доказательством того, что Гурген Аланович Бадоев – тайный пособник врага народа. А вот этого никак нельзя было допустить.

Он представил свою дочь-красавицу в трудовом лагере где-нибудь на Колыме, и ему стало плохо.

Кому бы в голову пришло, что он, министр, может лишиться должности и жизни из-за прихоти девчонки?!

С отпрыском Жучары надо было что-то решать, тем самым защитив дочь, которая – дура! дура! – не просто влюбилась в сына врага народа, но еще при всем элитном обществе выказала свою привязанность.

У Гургена Алановича просто не оставалось выбора.

Если Жучару требовалось доставить живым – для дознания, то мальчишке однозначно грозила гибель при аресте. Нет пацана – нет его связи с Лали. А значит, цепочка, ведущая от опального министра к Бадоеву, порвется.

Для столь щекотливого поручения подходил лишь много раз проверенный человек – Григор Серпень.

Но все пошло наперекосяк!

Жукова-младшего не оказалось дома, а потом, когда он явился-таки, его упустили. «Крот», внедренный в группу Серпня, подтвердил, что командир лично ранил мальчишку, но тому просто нечеловечески повезло.

И вот когда сынок Жучары угодил в лапы к ментам и, казалось бы, ничто уже не могло помешать его устранению, все опять не сложилось. В том крошечке, бывшем милицейском участке, выжил только Серпень. И не просто выжил, но умудрился не засветиться перед камерами наблюдения. О чем это говорит? В идеале – о высоком профессионализме исполнителя. Или же...

Что-то тут нечисто.

Собранные листы Бадоев сунул в щель уничтожителя документов. Сел в кресло, задумчиво пододвинул к себе коммуникатор. Надо бы просмотреть кое-какие файлы. Отреагировав на его биометрию, девайс проснулся, выдал заставку – заснеженные вершины гор на рассвете. Старое фото. Тех хребтов давно уже нет, ледники испарились, подогретые ядерными взрывами.

Заныло в груди. Не могло там ныть, недавно поменял сердце на последнюю модель – лучше предыдущих образцов и во много раз надежнее того, что входит в базовую комплектацию человека. Из кармана сметанно-белого пиджака Гурген Аланович вытащил пластиковый цилиндр с таблетками иммуностимулятора. Пару кругляков вытряхнул на ладонь, но в рот закинуть не успел.

Створки дверей с шипением разомкнулись.

Бадоев замер. Холодок пробежал по спине. Много лет изо дня в день – и по ночам снилось – он представлял, как однажды эти двери распахнутся и войдут вооруженные рабы, быть может, хортицкие хакеры, и его, Гургена Алановича, без суда и следствия...

– Привет, пап. Я за тобой. – В кабинет впорхнула Лали.

Бадоев шумно выдохнул и протолкнул таблетки в пищевод.

Лишь у жены и дочери свободный доступ в его вотчину. И Лали частенько этим пользовалась, хотя и знала, что отец не любит, когда к нему врываются без предупреждения.

Он собрался уже отчитать ее – стучать надо! – но заметил морщинки на лбу дочери. Толстую иссиня-черную косу Лали обернула вокруг головы, хотя предпочитала обычно более свободные прически. И губы ее были плотно сжаты.

– Свет моих очей, ты по делу? Мы договаривались? – Чуть нахмурившись, Гурген Аланович указал на диван с намеком, что в ногах, даже таких длинных, правды нет.

Дочь посещала рабочее место отца, потому что такова его воля – настанет день, и Бадоев передаст ей все дела. Звучит ведь: Лали Бадоева – министр восстанавливаемых ресурсов Союза Демократических Республик.

– Шашлыком пахнет. – Лали покачала головой и состроила осуждающую гримаску.

Гурген Аланович хлопнул себя по лбу.

– Да-да-да, совсем забыл, мы же договорились пообедать вместе. – О шашлыке, впрочем, он тоже забыл. – Свет моих очей, что-то случилось?

– Что?..

Пришлось повторить вопрос.

– Да так... – Чуть повернувшись, Лали уперлась бедром в стол. Взгляд ее рассеянно блуждал, надолго не задерживаясь на вазах и прочем декоре. – Просто Ванька Жуков не явился на экзамен. Это плохо, могут отчислить из МГУ.

Опять этот мальчишка! Лишь неимоверным усилием воли Гурген Аланович сохранил самообладание. Проглоченные таблетки едва не вернулись обратно вместе с потоком брани.

Не заметив буйства чувств на его лице, дочь продолжала:

– И коммуникатор Ванькин не в Сети. Может, случилось что?

– С коммуникатором? – выдал из себя Бадоев подобие шутки. На большее сейчас он был не способен. – Да найдется твой Иван, не переживай. Я в его годы... – Наметившиеся слезы в карих глазах дочери заставили его изменить тактику: – Я приложу максимум усилий, чтобы выяснить, куда подевался твой дружок.

Забавно, но он сказал чистую правду.

– Свет моих очей, подожди немного, я сейчас. – Бадоев удалился, для того чтобы, как говорят женщины, «припудрить носик». Что-то «носик» в последнее время стал барахлить – пора бы заменить на что-нибудь новое, более современное. Посоветоваться с женой, обсудить размер – и заменить...

Вытерев руки о полотенце и закрыв за собой дверь, он вернулся в кабинет. И наморщил лоб, припоминая, выключил ли коммуникатор – экран горел, будто к нему только что прикасались.

От размышлений на эту тему его отвлекла дочь:

– Пап, ну чего ты застыл? Пойдем уже.

* * *

Лавочки под давно погасшими светильниками настойчиво приглашали путников присесть.

Будь Иван без Тарсуса, пожалуй, отдохнул бы чуток. Ведь они шли уже... сколько? Время тут, в крошечной мгле, текло особенно: вязко, плотно. Чтобы преодолеть его, сдвинуться чуть дальше к будущему, нужно было приложить значительные усилия.

Луч фонаря, выданного Тарсусом, выхватывал элементы местного пейзажа. Вот люстры на длинных ножках у закругленного потолка с портретами людей в забавных шапках, над которыми – загадочные символы, напоминающие герб Союза. Молот еще ладно, но это изогнутое... полумесяц, что ли?..

По одну сторону от Жукова-младшего – ряды мощных колонн, отделанных мрамором. По другую – стена, выложенная плиткой, с барельефами-веночками и барельефами-звездочками, меж которыми поблескивают золотом буквы. «Октябрьская», – прочел Иван.

Пару раз он резко нажал на привод динамо-машины, встроенной в рукоять фонаря. Вжикая, привод то проваливался в рукоять, то выскакивал из нее. Несколько таких вот «подкачиваний» – и диоды засветили ярче. До сегодняшнего дня Жуков-младший и не подозревал, что под Москвой есть разветвленная сеть подземелий, называемая «метро». Вот туда-то парни и спустились с заоблачных небоскрежных высот – после того как покинули милицкий участок и едва не попали под огонь беспилотника. Тарсус сказал, что наверху им не светит, что дронов много, камеры везде, ментов столько, что по улице не пройти, не толкнув кого-нибудь в форме.

Впрочем, в подземке им тоже не очень-то светило. Если бы не фонари, прихваченные Тарсусом из тайника еще на поверхности, у входа в метро, беглецам пришлось бы пробираться на ощупь. На вопрос «Кто фонари тут спрятал?» Тарсус буркнул то ли в шутку, то ли всерьез: «Враги народа».

– А чего у тебя имя такое странное? – Иван покосился на фигуру в черном, шагающую чуть впереди и правее.

– Нормальное имя, девушкам нравится. – Ухмыльнувшись, Тарсус поднес ко рту трубочку очередного пакета с апельсиновым соком.

Откуда он извлекал эти пакеты – загадка, хотя Иван во все глаза следил за новым знакомцем. Казалось, пакеты возникали из пустоты, опорожнялись в бездонную глотку, падали под ноги, а потом вновь оказывались в ладони Тарсуса. Мистика, да и только.

– Та «подвеска», которая была на тебе... – начал Иван.

Тарсус привычно уже перебил:

– На крыше? Когда мы устроили пробежку?

– Скорее, когда ты спровоцировал меня.

– Невелика заслуга, даже хвастать нечем. Это было просто. Как и обогнать тебя. – Пустой пакет, описав дугу в воздухе, упал на рельсы. – Ты уже, наверное, сообразил тем, что у тебя вместо мозга: «подвеска» мне не нужна, я и так быстрее всех.

Иван изобразил на лице нечто максимально презрительное. Примерно так же он щурился и хмыкал, когда Давид обещал положить его на лопатки за пару секунд.

– Ты – быстрее всех? Ха!

– Точно. – Тарсус предпочел не заметить гримасы собеседника. – И очень хорошо, что ты осознаешь это. Лучше сразу уяснить: я тут самый крутой, меня надо слушаться – и тогда проблемы твои, малыш, сведутся к необходимому минимуму.

Малыш?! Жукова-младшего едва не разорвало от злости. Это кто тут малыш?! И все же он сумел совладать с собой. Нельзя поддаваться на провокации, уж больно хорошо у Тарсуса получается.

– И все-таки, – сцедил он сквозь сжатые зубы, – что это за трюк с прыжками в участке? Как ты сумел со мной вдобавок влезть на небоскреб?

Тарсус лишь ухмыльнулся в ответ, отчего «исклеванное» его лицо стало еще омерзительнее.

– Что вообще произошло в участке?! – Иван почувствовал, что опять начинает заводиться, кулаки непроизвольно сжались. – Зачем я тебе нужен?! Кто ты такой вообще?! Откуда ты знал, что мне нельзя возвращаться домой?! Почему не предупредил о засаде?!

– Не надоело еще? Когда, наконец, все твои три ганглия² поймут, что я не намерен обсуждать столь важные события с умственно неполноценным?

А вот не надоело. Напротив, Иван вновь и вновь задавал Тарсусу одни и те же вопросы, игнорируя ответные оскорбления, самыми мягкими из которых были намеки на его, Ивана, отсталость в развитии и врожденные дефекты ЦНС. Он уже понял: с этим парнем будет непросто. Да, спрашивал себя: почему он, элитный союзник, до сих пор терпит наглого перса? Почему не свернул ему шею? Почему не послал подальше и не занялся поисками отца самостоятельно? И отвечал себе неизменно: Тарсус в курсе случившегося, он многое знает, а сам Иван не знает ничего, кроме того, что мать погибла, отец арестован, а за ним ведут охоту странные шпионы, которым содействует милиция. А значит, он будет терпеть подколки, пока Тарсус не выложит все, что ему известно. Хотелось добиться искренности силой, но совладает ли Иван с парнем в черном? Уж больно круто тот проявлял себя. В общем, Жуков-младший не решался пока, хотя и утверждался постепенно в мысли, что без потасовки не обойтись. Лишь хорошая взбучка научит наглого перса манерам.

Иван уже собрался окликнуть Тарсуса, чтобы хорошенько врезать ему по зубам, но тот вдруг остановился и сказал:

– У малышей «подвеска» снаружи. Барыги из гетто продают малышам кастрированные армейские экзоскелеты, контрабандой доставленные в Москву с границ Союза. Трупам воинов экзоскелеты больше ни к чему. Там, на границе, сослуживцы выдирают куски плоти из экзо, очищают от дерьма и мяса, снимают все, что может стрелять и взрываться, и толкают барыгам остатки. Барыги доводят товар до кондиции, а потом уже малыши вроде тебя развлекаются на крышах, думая, что это настоящий отрыв, ах и ох, и чуть ли не криминал.

– Трупы, граница... – Иван фыркнул. – Что ты несешь? Типа ты там был, что ли?

И все же, несмотря на напускное пренебрежение, ему стало не по себе, только представил, что его «подвеску» сняли с мертвеца. Или даже с героя, убитого натовским солдатом.

– Смотри, малыш. – Тарсус с места взвился к потолку, прилип к нему коленями, из которых, как уже знал Иван, вырастали мощные кожистые присоски. Повиснув вниз головой и продемонстрировав присоски на предплечьях, парень продолжил: – Это часть моего организма. Эти штуки вживлены мне в конечности, в мышцы и кости, они соединены с моими нервами. К тому же две трети мышечной ткани и вся кожа заменены на искусственные аналоги, практически неотличимые от натуральных, но функциональнее. Мои наружные покровы на семьдесят с чуть-чуть процентов состоят из полимеризованного белка – фиброина.

– Это тот материал, из которого пауки плетут паутину? – блеснул знаниями Жуков-младший. – Благодаря которому она получается очень легкой и крепкой?

Но Тарсуса было не пронять:

– Малыш, неужели ты прочел азбуку от корки до корки?

Чаша терпения Ивана переполнилась.

– Да пошел ты, – предложил он, но ножками зашевелил почему-то сам.

Перса на потолке все равно не достать. Скакать на месте, задрать руки, багровея в бесильной злобе и слушая издевательства? Увольте! Запрыгнув на платформу и вжикнув фонарем, Иван прошел между колоннами.

Найти отца. Это первое и самое главное. Потом снять с него и с себя обвинения, растолковать, что Жуковы никакие не враги народа, но настоящие патриоты. И наконец, разыс-

² Мозг насекомых состоит из трех ганглиев.

кать человека со шрамом и его людей – их должны наказать по всей строгости союзного закона!..

Луч фонаря выхватывал из непроглядной мглы массивные плиты пола. Затхлый воздух застревал в легких. Иван не боялся темноты, но то угольное желе, что окружало его со всех сторон, липло к рукам, к лицу, ко всему, что было вне границ освещенной зоны. Оно, желе это... оно было живым, что ли. Что-то поскрипывало, шуршало, вдалеке вроде кто-то прошагал, тихонько насвистывая под нос. По спине пробежал холодок. Иван напрягся в ожидании чего-то неминуемого, потустороннего...

Плечу стало тяжело, сильные пальцы впились в него, точно когти. Иван захрипел – крик застрял в горле.

– Страшно? – участливо спросил Тарсус. Это он незаметно подобрался сзади.

– Н-нет-т.

– Ну-ну. – Перс убрал руку. – Мне тоже было нестрашно, когда я впервые попал в метро. Оно пустует с самой Революции. Оппозиция обосновалась на одной из станций, никто уже не помнит, на какой. А доблестные революционеры, конечно, не могли терпеть под боком сборище инакомыслящих, вот и разбрызгали по всем линиям сразу изопропиловый эфир метилфторфосфоновой кислоты.

– Что разбрызгали? – Жуков-младший совладал уже с дрожью в коленях, но не с дрожью в голосе. – Я в химии не очень.

– А в чем ты очень? В девичьих лифчиках? Химия эта – зарин. Проще говоря – боевое отравляющее вещество.

– Ты хочешь сказать, что на этой станции кого-то отравили? Да ну, чушь.

– А чего тогда все забросили? Из-за подмешанного стабилизатора зарин разлагался не очень-то быстро. Товарищи твоего отца сунулись в подземку вскоре после атаки, да тут и остались. Метро закрыли. Некогда было выяснять что и как, проблем в стране хватало. А потом, годы спустя, вообще признали метрополитен негодным к эксплуатации. – Помолчав немного, Тарсус продолжил: – Вот представь. Ты ждешь тут поезд. Ты – обычный гражданин своей страны. И вдруг – тяжело в груди, из носу льет, зрачки сужаются, тебя тошнит, во рту полно слюны – не успеваешь сплевывать, а потом блевать. Штаны уже обмочил, а тут еще и с обратной стороны в трусах потяжелело. И ты падаешь в конвульсиях. А потом становится легче.

– Легче? – Представлять описанное Ивану категорически не хотелось.

– Ага. Ведь сердце остановилось. Ты наконец-то умер.

Наверное, Тарсус головой сильно ударился, раз такое несет. Не могли Революционеры совершить подобного преступления. Обвинение это столь же абсурдно, как и то, что Владлен Жуков – враг народа. Иван набрал в грудь побольше воздуха, чтобы высказаться, но тут фонарик погас – одновременно с фонарем Тарсуса.

Секунда в полном мраке показалась вечностью.

А голос Тарсуса меж тем пробирал до костей:

– Духи погибших в тот день бродят по огромному подземелью в поисках живых, чтоб отомстить им за дела отцов... И среди тех духов – мои мама и папа.

Иван громко сплотнул. Не хотел, само получилось.

– Ты что, поверил? – Тарсус расхохотался, резко вжикнул фонарь в его руке, луч света резанул Ивана по глазам. – Какие призраки, ты чего? Сквозняки просто. Крысы еще. Старое все, ветхое, там шатается, здесь отвалилось и скрипит. Понял? Нету призраков. Ну ты даешь!..

– Так ты пошутил? – Жуков-младший «подкачал» свой фонарь.

– Типа того, малыш. Не принимай близко к сердцу.

– И насчет родителей тоже шутка?

Тарсус промолчал. Фонарь в его руке дрогнул, луч дернулся.

Иван понял, что ляпнул лишнего. Надо было что-то сказать. Как-то разрядить обстановку. Но что и как?..

– Откуда такие технологии? Я о тебе, о коже, мышцах. – Из курса психологии он знал, что надо расспросить сначала о том, что человеку самому интересно рассказать, и потом, когда задашь нужный вопрос, ему трудно будет смолчать. – Никогда о таком не слышал. И не говори, что малышу просто ушки заложило.

Тарсус одобрительно хмыкнул.

Уже хорошо. Иван решил развивать свой маленький успех:

– Нет в Союзе ничего такого. Я знаком с министром здравоохранения. Мой отец следит за новинками в области имплантов и иммуностимуляторов. То, что у тебя... таких технологий попросту нет. Иначе я бы знал.

– Это военные разработки. Министерство здравоохранения ни при чем.

Иван с удовольствием отметил, что Тарсус не назвал его «малышом».

– На границе не так-то просто выжить. Там же радиоактивная пустошь по периметру почти всей страны. Но границу надо защищать от внешнего врага...

– Точно! От врага!

– И от тех, малыш, кто пытается вырваться из страны.

Жуков-младший едва не заскрежетал зубами. Опять «малыш»! И еще. Внешний враг – это понятно. Врагов у Союза Демократических Республик более чем достаточно. Многие государства, управляемые корпорациями и олигархами, точат зуб на благосостояние союзников и персов, не дает им покоя процветание страны, что семимильными шагами стремится к светлому будущему под руководством Председателя. Но что значит «вырваться из страны»? Кому в здравом уме такое в голову может прийти? Разве что шпионам. Так что ерунду Тарсус сказал. Точно – ерунду.

– Импланты, как у меня, – продолжил перс, – делают всего в двух украинских лагерях. Сложная технология. Проще пограницам, обреченным на пожизненную службу, заменить почти все тело. Ну, мозги да позвоночник с кое-каким ливером натуральными остаются, да и то запаивают их в многослойную изоляцию, чтобы частицы не пропускала.

Украинские лагеря? Обмен тел? Да ведь всем известно, что киборги такими как есть рождаются! Что они просто особая раса!.. Жуков-младший окончательно уверился в том, что парнишка не в себе. И неудивительно, ведь у персов отклонение от нормы и есть норма. А то, что Тарсус знает много, в химии разбирается, лишь подтверждает его отклонение. И угораздило же Ивана пойти за психом в заброшенное подземелье, которое, быть может, заражено боевыми отравляющими веществами...

– Шарашки разрабатывают много чего интересного. К примеру, «плащ-хамелеон». Сделали его для наших, союзных то есть, шпионов. Для спецопераций на территории противника. Ну, и внутри страны.

– Наших шпионов? Откуда у нас шпионы?! – Ивана это особенно возмутило.

Мало того что Тарсус несет откровенную чушь, он еще ведет подрывную антисоюзную деятельность. Эх, сообщить бы в милицию, да нельзя – самого арестуют. Пока нельзя. А вот вызовет отца...

– А-а, ну да. Как же я не подумал, малыш. У нас же не шпионы, а благородные разведчики. Герои, бесстрашно наблюдающие за подлым врагом... Короче, для них «хамелеон» проектировали. У меня есть, кстати. Иногда им пользуюсь. Особенно когда сок заканчивается.

Иван не видел лица Тарсуса, но готов был поклясться, что тот ухмылялся, говоря это.

– И хватит. Я и так слишком много сказал. Придет время – все сам узнаешь. Но я бы не советовал. Во многих знаниях много печали, малыш. – Тарсус скрылся за колоннами.

Иван слышал, как он прыгнул на шпалы. И стало тихо-тихо.

– Эй, ты чего там застрял? – послышалось уже чуть ли не от самого туннеля. – Передумал со мной идти? Уважаю. Поступок не мальчика, но мужа.

На это возражений не возникло.

– Слышь, муж, а ты знаешь куда дальше, где искать батю, что тебе вообще делать? Как с этой конкретной станции на поверхность выбраться, знаешь?

Хорошие вопросы. Вот только ответов на них нет даже плохих. Поэтому лучше помолчать.

– А сможешь один выстоять против всего государства? Ты – против Союза?

Вот тут Тарсус, пожалуй, загнул. Но насчет остального... В его словах определенно что-то было.

– Малыш, повзрослей уже. Не надо дуться. Не позволяй собою помыкать, сам сделай правильный выбор. Тем более выбора у тебя нет.

Жуков-младший уже выбрал. Это ведь просто – когда в списке вариантов всего один пункт. Вжикнув с десятков раз, чтобы фонарь разгорелся ярче, он поспешил вслед за проводником.

Надо за что-то зацепиться, найти точку опоры, от которой можно отталкиваться в поисках отца. Тарсус должен ему в этом помочь.

– Почему ты вызволил меня из милицейского участка?

– Малыш, не начинай все заново.

– Кто те люди, что убили мою мать и взяли отца в плен? Они не шпионы, верно?

Эти вопросы и еще десятки других. И опять. И заново. Иван шел по бесконечному туннелю и бубнил, бубнил, бубнил...

И он даже удивился, когда Тарсус вдруг сказал:

– У меня есть начальство. Оно приказало: не дать Ивану Жукову вернуться домой в ту злополучную ночь. Усек?

Луч света ударил в лицо, заставил прищуриться. Чуть отвернувшись, Иван кивнул.

– Ну и отлично. Умнеешь не по дням, а по часам.

А метров через полста темнота впереди сурово рявкнула:

– Стой!

И уже другим, сиплым голосом добавила:

– Кто идет?!

– Свои. – Тарсус осветил себя фонарем. – И не идут, а пришли уже.

* * *

У потолка висели громадные люстры. Но не везде – на когда-то белой, а теперь уже серой поверхности остались следы от крепежа. При всей основательности подземного сооружения остро ощущались его ненадежность, заброшенность.

– А везде так... ну... – Жуков-младший неопределенно махнул рукой.

– Не-а. – Тарсус научился понимать его без слов. – Везде хуже. Есть полностью затопленные ветки. А у нас тут сухо и комфортно, живи и радуйся.

После мрака, тишины туннелей и заброшенных станций здесь было непривычно светло и шумно.

– Запитываемся от городской сети и не скучаем, – пояснил Тарсус, заметив удивление Ивана. – Побудь пока здесь, осмотришься. Мне отойти надо, решить вопросы. Если кто спросит – скажешь, с Тарсусом тут на экскурсии. Но лучше молчи – целее будешь. Добро пожаловать в подземную Москву!

Он указал Ивану на свободную лавочку, у которой возвышалась гора из аккумуляторов, а сам смело ворвался в гроыхающую, лязгающую и расцветающую фейерверками электро-сварки суету, что царила на платформе.

Станция очень даже не пустовала. В дыму и гари то и дело возникали и исчезали мужчины – кто в респираторах, кто просто в марлевой маске на лице. Мимо провезли на большой телеге пяток пластиковых корпусов от электрокаров. Троица хмырей, что толкала скрипучую тачку, с подозрением уставилась на чужака. Жуков-младший привычно пожал плечами – мол, а что такое, просто сижу тут, нельзя, что ли? – и демонстративно отвернулся, вроде как разглядывая мощные колонны, соединенные между собой арками. Под каждой колонной – по крайней мере, в зоне видимости – стояла такая же основательная, как под ним, лавочка. А над лавочкой, на колонне, – металлическая звезда на щите. В метро вообще много звезд изображено. Предки что, поголовно увлекались астрономией?..

Тарсус вынырнул из дыма у гондолы дирижабля, установленной на возвышении из старых покрышек. К гондole тянулись толстые черные кабели и серебристые тросы – выше, ниже, дальше. На кой эта «паутина»? Гондола вибрировала и гудела. Рядом сустились двое в промасленных робах. Присмотревшись, Иван заметил у них кобуры с пистолетами. Сразу стало неуютно. Это что, секретная военная база? Или отделение милиции под землей? Куда вообще Тарсус привел его, а?

Сгружая корпусы с тачки, троица то и дело зыркала на Жукова-младшего. Он поднялся с лавочки и двинул прочь. Не из-за враждебности в глазах аборигенов, а чтобы осмотреть местные достопримечательности. Экскурсия ведь. Подумаешь, Тарсус велел сидеть и не отсвечивать. В конце концов, он элитному союзнику не указ.

Уже через пару минут прогулки в дыму стало понятно, что всем здесь заправляет девушка немногим старше Ивана. Похоже, разговаривать она не умела – команды отдавала жестами, взглядами, ей стоило чуть наклонить голову – и кто-то куда-то бросался, что-то тащил и всячески развивал бурную деятельность. Те двое, что беседовали у гондолы, при ее появлении вскарабкались на покрышки и принялись дергать кабели и вертеть разводными ключами. А если девушка все же открывала рот, из глотки вырывалось карканье, в котором с трудом угадывались слова. Бесформенные штаны делали тяжеловесной ее фигуру, когда она останавливалась, но стоило ей сорваться с места – и под тканью четко обозначались стройные до худобы ноги. И она постоянно куталась в короткую, по пояс, дубленку, хотя на станции было тепло.

Наблюдая за командиршей, Иван забрался в торец платформы. На двухступенчатых мраморных плитах тут стоял пьедестал с бюстом бородато-усатого мужчины. Надпись на пьедестале – «М.В. Фрунзе» – ни о чем не говорила. Кто этот М.В.? За что его увековечили под землей? Уж точно не Герой Революции. Всех Героев Иван знал не только по имени, но и лично. Отвлекаясь на памятник, он потерял из виду девушку.

– Чужой, – каркнуло сзади. – Следишь? Стой.

Он медленно обернулся. На него был нацелен пистолет. Палец на спуске обтягивал коричневый дерматин перчатки. Блеклые, как у снулой рыбы, глаза вроде смотрели на Жукова-младшего, но как бы сквозь него, точно он стеклянный. У девушки, заправлявшей тут всем, – это она держала оружие – кожа была бледная, чуть ли не прозрачная. Светлые засаленные пряди едва касались плеч. Иван впервые видел столь короткую прическу у особы противоположного пола.

– На колени, – каркнула девушка.

Он мотнул головой. Это низко и недостойно его происхождения, он же союзник, а не перс.

– На колени!

Выстрелит, понял Иван. В низу живота потяжелело. Бездонный провал ствола затягивал, гипнотизировал.

– Эльвирочка, вот ты где! Я везде тебя ищу. И малыш здесь? Непоседа! Познакомились уже? Отлично. – Вынырнув откуда-то сзади, Тарсус панибратски обнял союзника, взъерошил ему волосы.

– Он – чужой. – В карканье девушки прорезалась неуверенность, но пистолет она не опустила.

– А Мамонтенок говорит, что свой, – парировал Тарсус. – Верно, Мамонтенок?

– Ага, – слышалось из клубящейся смеси дыма и пара.

И пол под ногами дрогнул.

На своем веку Жуков-младший повидал немало киборгов – на приемах в Новом Кремле. Но те защитники Отечества были более опрятными, что ли, без брутальности, в отличие от горы искусственных мышц, титана и композитов, что, щелкая шарнирами, приблизилась к бюсту. Лица кибернетические воины всегда прятали под черными забралами и потому представлялись скорее роботами, способными вести огонь на поражение, чем личностями со своими потребностями и страстями.

Этот киборг разгуливал по станции без шлема. Вместо правого глаза на Ивана взирал оптический прибор с объективом, что выдвигался и втягивался под косматую бровь, – небось из первых имплантов для замены органов зрения в полевых условиях. Вместо нижней челюсти – нечто с клапанами и патрубками, плотно пришитое силиконовыми нитками к дряблой коже на шее и прикрученное шурупами из нержавеющей стали к верхней – натуральной – челюсти. Так что рта у киборга не было, но говорить он все же мог – благодаря ларингофону, наклеенному чуть ниже патрубка, торчащего из адамова яблока. Наверняка через этот патрубок в организм попадала пища. И уж точно стоматологу этому кибовоину посещать без надобности.

На титановом плече его сидела кошка породы сфинкс. На спине и животе сфинкса, равно как и на левой задней лапе отсутствовала кожа, практически лысая, с отдельными лишь волосками, – и потому виднелись сплетения проводов, микросхемы и шланги.

– Познакомься, малыш. – Тарсус шумно втянул сок, после чего продолжил: – Это мой дядюшка. Его Мамонтенком зовут. Он бывший пограничник.

– Очень приятно, а меня зовут... – Иван протянул Мамонтенку ладонь и прикусил язык, едва не ляпнув «малыш». – Меня зовут Иван.

Не дождавшись рукопожатия, он сделал вид, что хочет погладить кошку. Навострив большие уши, та уставилась на него ярко-зелеными глазами и зашипела, выражая крайнюю неприязнь. Иван едва успел отдернуть руку – когтистая лапа мазнула по воздуху.

– Он, – киборг ткнул суставчатым пальцем Ивану в солнечное сплетение, – свой, ага.

Девушка Эльвира чуть ли не с обожанием уставилась на киборга и опустила-таки пистолет.

– Кто вы? – спросил Жуков-младший, глядя на Эльвиру, Мамонтенка и Тарсуса.

– Подпольщики, – ответили трое в унисон.

* * *

Путевую стену, выложенную плиткой – кремовой сверху, черной снизу, – почти заслонил собой состав, в последний раз выгрузивший пассажиров много лет назад. Открытые двери приглашали войти, взяться за поручни или присесть, но не прислоняться. На платформе люди работали, а вагоны поделили на комнаты – весь состав представлял собой одно большое общежитие. У Тарсуса тут был свой номер люкс, куда он и привел сына опального министра.

Забавный он, этот малыш, несдержанный и поразительно глупый. Много отпрыскам союзников недоступно, они не знают истории до Революции, да и о том, что было во время и творится сейчас, тоже не осведомлены.

Знать и помнить – прерогатива отверженных.

Трубку в губы, рот наполнился желтой дрянью, от которой тошнило уже, но без которой не выжить. Витамин С, калий, кальций, магний, еще куча всего... Природное тело никак не может смириться с тем, как его искромсали. Иммунная система лишь делает вид, что приняла изменения, ее нужно подпитывать. Постоянно. Часто. Много. Мультивитамины и иммуностимуляторы достать сложно, они выдаются только союзникам и персам. Тарсус не был ни первым, ни вторым. И потому необходимые для организма микроэлементы вливал в себя вместе с импортным апельсиновым соком, который легко позаимствовать в супермаркете.

В тот злополучный вечер он получил приказ: воспрепятствовать возвращению домой Ивана Владленовича Жукова до шести ноль-ноль следующих суток. К закодированному сообщению прилагалось досье на объект: рост, вес, фото, видео, привычки, любимая еда и прочая муть.

С заданием Тарсус справился почти на отлично. Почти – потому что увел объект к границе гетто, устроив пробежку по пересеченной местности. Все шло по плану, Тарсус ликовал. И вдруг объект – чертов малыш! – повернул обратно. То ли не понравилась колючая проволока, то ли смутил вертухай на вышке. Тарсус метнулся следом. Увы, случилась досадная неприятность. Когда мчишься, нет возможности влить в себя достаточно сока – скорее всего из-за этого, оступившись, он сломал лодыжку. Конечно же наноботы в его крови тотчас занялись регенерацией, а мощный выброс эндорфинов не только заглушил боль, но чуть ли не довел до оргазма. Да, скорость существенно снизилась, но как же это круто – сломать ногу! Круче, чем обнимать девушку.

Объект же вернулся домой и попал под огонь группы захвата, явившейся арестовать Владлена Жукова. И закружилось: выстрелы, прыжки в окно, упавший дирижабль, танк с ментами...

Пришлось проявить смекалку, чтобы попасть в конкретный милицейский участок за мелкое правонарушение. Он еще заметно хромотал, так что «трость» в его руке ментов не удивила. А дальше...

Из задумчивости Тарсуса вывел малыш:

– Слушай, раз ты такой быстрый, сильный и вообще... Почему бы не апгрейдить всех... э-э... противников нашей прекрасной страны?

Тарсус швырнул пустую упаковку от сока в кучу таких же в углу.

– Все, что во мне, вживляют в младенчестве. Один грудничок из двадцати выживает после операции. Да и потом, до года... Мне вот повезло. И лучшие люди этой проклятой страны воспитали меня бойцом, готовым погибнуть за подполье.

От слова «подполье» малыша аж передернуло, на лице застыло брезгливо-испуганное выражение. Тарсус отметил это с удовольствием. Ему нравилось злить напыщенного союзника, из которого с рождения тоже лепили преданного бойца. Правда, лепили по другую сторону баррикад, где устали праздновать победу, где о новых врагах мечтают, а непокорных выдумывают, чтобы испугать и повеселить толпу.

Отодвинув шторку, Тарсус расплющил нос о запыленное стекло.

На платформе у кучи покореженных экзо сидели на корточках четверо в таких же комбезах, как у него. Эти парни снабжают молодых союзников «подвесками». Кое-кто в подполье считает, что систему можно уничтожить лишь изнутри, заразив управителей свободомыслием. Не нынешних «Больших Братьев», с ними уже ничего не поделаешь. А вот повлиять на неокрепшие умы их наследников можно и нужно. И для начала – приучить элит-

ную молодежь не подчиняться законной власти. Пробежки по крышам – бунт крохотный, незначительный, но, как говорится, «из искры разгорится пламя».

Бред. Маразм.

– Ты говорил, у тебя есть начальство? Кто твой командир?

Интересный вопрос, слишком умный для малыша.

– Не знаю. Никогда его не видел. Это называется «конспирация». Если не знаешь командира, не сдашь его властям, когда попадешься.

Не «если», но «когда». Тарсус не питал на этот счет иллюзий.

Согнувшись вдвое, в вагон втиснулся дядюшка со своей кибokoшкой. Она для него точно третья рука или вторая голова. Сознания их неразрывно связаны. То, что чувствует кошка, одновременно ощущает киборг, и наоборот.

– Ага. – Дядюшка удивленно выпучил объектив. – И этот тут. Свой.

– Он пробудет у нас недолго, – успокоил его Тарсус.

На плечах и груди дядюшки уже нарисовали под трафарет красные кресты. Не очень-то аккуратно сначала замазали код части, ФИО и звание, а потом уже сверху... Будем надеяться, что сойдет и так.

Кибokoшка забралась на диванчик напротив малыша, свернулась клубком. Дядюшка замер, застыл на месте. Строение его тела позволяло отдыхать в таком положении. Нитиновые мышцы не знали усталости, но мозгу требовался сон. Увы, окунуться в объятия Морфея он не успел – малышу захотелось поговорить.

– Ваш племянник рассказал мне о пожизненной службе на границе. Но вы ведь здесь. Значит, ваш племянник не прав?

– Ага. – Дядюшка не пошевелился даже. – Прав племяш. Не захотел я пожизненно. Надоело.

– Вы дезертировали?! Как же так? Киборги – щит на страже Союза. Они – герои. Лучшие из них удостоиваются чести охранять Героев Революции! Но такому ничтожеству, как вы, конечно, подобное не грозит!

Вскочив и выгнув спину, кошка зашипела. Дядюшка чуть повернул голову к Тарсусу и спросил:

– Точно свой? Может, контуженный?

– Типа того. Он из тех самых... Типа истинный союзник. Начальство велело присмотреть за ним.

Подхватив с дивана свою любимицу, дядюшка покинул вагон. Союзников он ненавидел искренне, всей своей кибернетической душой.

И племяш его очень-очень хорошо понимал.

* * *

– Я что-то не то сказал? – Иван чувствовал себя не в своей тарелке. Кстати, насчет тарелок – в животе забурчало. За всеми тревоблениями он и не вспоминал о еде. – У тебя есть чем закусить?

Но вместо хлеба-соли Тарсус протянул ему коммуникатор, который выудил из своих пожитков. Будто от девайса можно отломить чуток и намазать маслом!

– Зацени новости, малыш. Совсем шпионы оборзели.

Жуков-младший взглянул на экран, сплошь в разводах, будто его протерли влажной тряпкой. Взглянул – и обомлел. Там мелькали попеременно он, строгое лицо диктора и пузатая фигурка Тарсуса. И крупным планом – трупы в милицейской форме.

– А звук?... – с трудом выдавил из себя он.

– Справа кнопка, жми. Ты, малыш, теперь знаменитость.

Иван смотрел на экран, слушал хорошо поставленный голос диктора – и не верил, что все это происходит с ним. Этого же просто не может быть. Особенно впечатлили кадры, где некто с лицом Ивана, его телом и движениями лично убивает взъерошенного милиционера, а потом, выйдя из участка, превращает беспилотник в грудку искореженных обломков залпом из ПЗРК.

Тарсус прокомментировал эти кадры так:

– Круто! Ты теперь не малыш, ты теперь Маршал. С большой буквы.

– Что?.. – окончательно растерялся Иван. – Почему Маршал?

– Так ведь фамилия у тебя Жуков.

– Ну и что?.. – не понял юмора Иван, он не отрывал взгляда от коммуникатора. – Какая мерзость. Это ведь неправда. Этого не было. Это...

– Компиляция, – подсказал Тарсус. – Видео обработали. Любой пацан из гетто на раз-два-три такое слабаит.

Нападение на участок диктор представил как наглую атаку иностранных шпионов на основу основ Союза Демократических Республик, как злостную диверсию, как попытку подрыва и запугивания, как террористический акт, как... Диктора несло, лицо его побагровело, он размахивал кулаками – не читал текст, но говорил от себя, искренне и возмущенно. Наконец затянувшийся монолог прервался – экран заполнило вытянутое голубоглазое лицо. Иван не сразу узнал себя. Это же он говорит прямо в камеру! Ну, теперь-то все прояснится, все узнают, поймут!..

Губы на экране зашевелились, выдав: «Меня зовут Иван Владленович Жуков. Я и моя семья... мы – шпионы, мы напали. Будут жертвы!»

– Ыы-ыхх... – заклокотало в горле, мир вокруг потемнел.

Ведь говорил совсем другое! Слова те же, но их переставили местами, скомпилировав так, что... Мотнув головой, он заставил себя смотреть на экран, на того Ивана Владленовича Жукова, который, скорчив злобную рожу, сбивает вертолет-беспилотник. А ведь в прошлый раз, когда показывали эту сцену, лицо у него было бесстрастное, сосредоточенное, теперь же... Но кому до того есть дело? Кто заметит столь мелкую нестыковку? А если и заметит, то что?..

Поправив галстук, диктор призвал граждан быть бдительными и в случае обнаружения террориста сообщить о его местонахождении компетентным органам. Затем новостной блок сменила реклама электрокаров «АвтоВВАЗа», уверяющая, что в Союзе нет средств передвижения качественнее и надежнее.

– Как такое может быть? Ведь это ложь. От начала до конца. Это неправда. Это...

– Точно, – кивнул Тарсус, – я ж говорю: компиляция. А ты теперь не только враг народа, но еще террорист, шпион и наймит Госдепа США. В общем, м-м... Маршал, э-э... соку хочешь?

Иван уставился на задорный апельсинчик, вдруг возникший у лица. И хоть во рту пересохло, рука не поднималась взять пакет. Новости его шокировали. Стремительно и радикально менялся окружающий мир. Его словно вышвырнули за пределы атмосферы в обычном комбесе, а вокруг вакуум... Похоже, весь Союз ополчился против Жуковых. И сражается государство подло, используя грязные приемы, ведь одно дело – объявить в розыск беглого свидетеля чужих злодеяний, а другое – скомпилировать лживый ролик о террористе и пустить его в эфир, обманув граждан огромной страны.

– И вертолет, значит, я тоже...

– Ты, Маршал, кто ж еще? Раз по ТВ показали, то... От сока ты зря отказываешься, хороший сок. Я видишь как его обожаю? Прямо жить без него не могу.

И тут Ивана прорвало. Он вскочил, схватил Тарсуса за грудки и затряс, крича ему в лицо, сплошь покрытое мелкими точечными шрамами:

– Что произошло?! Кто виноват?! Почему я?! Почему мы?! Отец! Мама! Почему?! Зачем я тебе?! Зачем подполью?!

– Я не уполномочен отвечать на подобные вопросы. – Сказано это было слишком уж спокойно, даже безразлично, что ли.

Лед в голосе Тарсуса подействовал на Ивана как пощечина. Не на кого надеяться – ни на страну, предавшую его, ни на обитателей подземелья. Никто не поможет. У всех свои интересы, своя тайная выгода, и семья Жуковых в тех раскладах вроде разменной карты или пешки, которой без сожаления пожертвуют.

– Я ухожу. – Иван отпрянул от Тарсуса. – Здесь мне больше делать нечего.

Под толщей земли и бетона он лишь теряет время. Уж как-нибудь выберется наверх. Прихватив фонарь, Иван выскочил из вагона – и налетел на киборга, преградившего путь. Столкновение отозвалось вспышкой боли в простреленном боку.

– Ага, опять ты. – Кошка на плече гиганта зашипела, выказывая заодно неприязнь хозяина. – Союзник паршивый.

– Уйди с дороги, ржавая жестянка. – Иван больше не намерен был терпеть оскорбления. Он повел плечами, словно разминаясь перед схваткой на татами.

Проскрежетав нечто невразумительное, громадина из титана и композитов мрачно двинулась на него. Кошка плотоядно заурчала.

Отец учил: хочешь победить – сосредоточься, оцени противника. У киборга значительное преимущество в силе, в массе, и боли он не чувствует. Так что противник более чем серьезный. И хорошо – что за интерес сражаться с дохляками? Унижая слабого, не станешь сильнее. Ударив последнего, не станешь первым. Тоже мудрость отца...

Жуков-младший попятился – чтобы оценить обстановку и определиться с тактикой.

Глаз-объектив максимально выдвинулся, искусственная туша затряслась от хохота. Дезертир принял маневр союзника за бегство.

Меж тем Иван прикинул уже, как совладать с Мамонтенком. Из университетского курса анатомии киборгов он помнил, что на затылке у них есть... Короче говоря, надо зайти в тыл. Мамонтенок быстр, но значительные габариты могут сыграть с ним злую шутку.

Что было духу Жуков-младший припустил к горе покрышек с гондолой от дирижабля. Там, среди тросов и кабелей, противнику будет не так комфортно и привольно, как у вагона.

Провожаемый удивленными взглядами аборигенов, он ворвался в клубы дыма и пара, наклонился, перепрыгнул через трос, обогнул одну кучу хлама, взбежал на вторую и тут же перескочил на тележку, на которой привезли кузова. Теперь покорить покрышечную гору...

Но сделать этого он не успел.

Сзади загрохотало. Взвизгнув, лопнул стальной трос. Девушка Эльвира закаркала, призывая прекратить. Но Мамонтенок уже не мог остановить разрушения. Вторгшись в производственный лабиринт на платформе, он запутался в сплетении кабелей, и каждая новая попытка освободиться лишь усугубляла вред, причиняемый хозяйству подземных обитателей. К тому же «паутинки» по отдельности, может, и легко порвать, но когда их много...

Почти лысое тельце спрыгнуло с титанового плеча и затерялось в густом дыму над полом.

– Ах ты гаденыш!.. – Далее киборг дал бы фору даже Гургену Бадоеву, обожающему измываться над своими замами на светских раутах.

Бадоев... отец Лали... Из-за обрывка мысли, мелькнувшей на краю сознания, Иван едва не упустил отличный момент для контратаки. Он метнулся к киборгу, угодившему в ловушку.

Очередной рывок Мамонтенка натянул черный кабель, ведущий прямо к гондоле. Мужчины, что недавно суетились около нее, демонстрируя рвение начальнице, принялись размахивать руками и кричать, чтобы прекратил, конструкция плохо закреплена. Увы, дезер-

тир обезумел от ярости и ничего не слышал из-за своей же ругани. Тросы то провисали, то натягивались. Пол под массивными ногами дрожал – топал киборг так, будто задумал проломить его.

Из дыма у колонн вынырнул Тарсус – да так и застыл с открытым ртом, обедя взглядом поле боя. Даже очередную пачку сока к губам не поднес.

Ивана и Мамонтенка разделяли считанные метры, когда бедро обожгло болью – киборжка атаковала, вцепилась. Там, где у сфинкса не хватало кожи, нити искусственных мышц напрягались, выпячивая трубки «кровеносных сосудов» – маслопроводов. Иван схватил тварь за шею, оторвал от себя. Та извивалась у него в руке. Крохотные зубки хищно щелкали в бессильной попытке достать горло союзника. Если бы у кошки и ее хозяина было чуть больше мозгов, она впиалась бы в предплечье союзника, когтями располосовав плоть до костей. К счастью, этого не произошло. Да и Жуков-младший не дал им ни секунды на размышления – воткнул фонарь прямо в оскаленную пасть. Острые, точно иглы, зубы вмиг разгрызли пластик, сверкнуло, запахло паленой изоляцией – кошка замерла, лапы и хвост опустились.

На станции стало тихо-тихо – опутанный кабелями и тросами киборг замолчал и замер, выпучив на врага объектив. Горе у него: любимая зверушка превратилась в хлам.

Посочувствовать? Как-нибудь в другой раз.

Отбросив кошку, лавируя в «паутине», Иван подобрался к Мамонтенку. Увернувшись от удара ногой, хорошенько – удачно! – боднул носком ботинка под титановое колено. Киборг потерял равновесие и повис на тросах. Его стопы заскрежетали по полу, пытаясь найти опору.

Но у союзника были иные планы на сей счет.

– Вот и все, ржавая жестянка! – Он ловко вскарабкался на спину Мамонтенка и, отщелкнув крышку на затылке, обнаружил то, что должен был увидеть, – головной мозг: микс из чипов и органики, перевитый тончайшей – тоньше волоса – иридиевой проволокой. Оставалось только ткнуть туда кулаком и...

– Нет! – услышал Иван крик Эльвиры. На этот раз звуки, издаваемые ее глоткой, напоминали голос человека, а не карканье вороны из зоопарка. – Не стрелять!

Пока Жуков-младший сражался с киборгом, на него нацелили десятка три стволов. Уже больше – обитатели подземелья постоянно прибывали, все с оружием: кто с дробовиками, кто с «винторезами», давно снятыми с вооружения; самопальных пистолетов тоже хватало.

Не стрелять так не стрелять. Иван очень даже «за».

– Не смей!

Это уже ему. Выставив перед собой руки, девушка умоляла не причинять громиле-киборгу зла. Бледное лицо ее стало пепельным, дубленка распахнулась.

А ведь ситуация патовая, понял Иван. Убьет киборга – от самой этой мысли бросило в дрожь, – и его самого казнят. В лучшем случае расстреляют. Про худший вариант он не думал даже – в такой ситуации поневоле станешь оптимистом. Но и пожалей он Мамонтенка, все равно его, Жукова-младшего, упокоят с миром.

Дернул же черт влезть в драку! Сколько раз обещал себе не поддаваться на провокации! Провокации...

И вот тут Иван понял, что нужно делать.

– Эй, малыш! – крикнул он Тарсусу, копируя его манеру общения. – Я тут самый крутой, видишь?! Уделал твоего дядюшку!

– Чего?.. – Из ладони Тарсуса выпал пакет и, брызнув желтым, шмякнулся на пол.

– А слабо махнуть еще по крышам?! Уделаю тебя, как последнего сопляка из гетто. – Защелкнув крышу на затылке киборга, Иван спрыгнул на пол и, увернувшись от удара искусственной ноги, неспешно, вразвалочку двинул к фигуре в черном. – На раз-два-три.

– Ты? Меня?! – Видно было, что Тарсус не прочь размяться и заодно поставить наглеца на место. – Нет, но я должен... Что скажет командир?..

– Ничего не скажет, – подмигнул Иван. – Ему незачем знать о нашем забеге, точно так же как тебе – о том, как он выглядит. Это называется «конспирация».

Только не смотреть по сторонам!.. Иван изо всех сил сдерживался, чтобы не выказывать страха, ведь в любой момент по нему могли открыть огонь. Надо вести себя так, будто тут нет никого, кроме него и Тарсуса, – и возможно, это сработает.

Уже сработало!

Тарсус поднял руку, показывая, что сам разберется. Десятки плоток одновременно выдохнули с облегчением. Защелкали предохранители, стволы опустились.

В кармане черного комбеза вжикнул коммуникатор – пришло сообщение. Пока Тарсус молча читал его, Ивану швырнули под ноги «подвеску» – Эльвира распорядилась. Вновь глядя сквозь него, велела обоим – ему и дружку – убираться подальше и прокаркала чуть ли не слово в слово предыдущую ругань киборга. Затем она подошла к Мамонтенку – тому уже помогли выпутаться – и, нежно глядя его клапаны и патрубки, принялась выспрашивать, все ли с ним в порядке, не ушибся ли. Мамонтенок что-то сопел в ответ, то выдвигая, то пряча объектив под косматую бровь.

Если это не любовь, то что?

– Ладно, уговорил, – сцедил сквозь зубы Тарсус. – Вот только извинюсь перед дядюшкой за тебя.

Глава 4

Мусор

«Крот», внедренный в банду маргиналов, сообщил координаты Ивана Жукова в ноль сорок три. Коммуникатор завибрировал, когда ты тушил окурок в пепельнице и одновременно клацал зажигалкой, чтобы обуглить новый табачный кончик.

Итак, что там у нас?.. Зброшенная подземка, чудом уцелевшая до сих пор станция. И в самом деле – не в Новом же Кремле террористу Жукову прятаться?..

Захлопнувшись за тобой, дверь едва не прищемила полы плаща. Покрышкам опять досталось – тачка рванула с места, оставляя за собой черные полосы, только что бывшие протектором.

Босс ждал звонка, ответил сразу – разорался, но, узнав, в чем дело, взял себя в руки и вмиг решил вопрос с группой захвата, ибо лучшие твои люди погибли в милицейском участке, а набрать новую команду времени не было. Так что порядок. Единственное, что тебя смущало в раскладе, – это... крысы. В подземельях всегда уйма мерзких хвостатых тварей!..

Четыре сигареты спустя ты вдавил педаль тормоза.

Осназ МВД – взвод парней не ниже двух метров, с повадками прирожденных убийц – прибыл раньше, но пока не предпринимал активных действий. И хорошо, и молодцы, раз ждут указаний.

– Все готово!

Тебе понравилось, как бодро отрапортовал майор-осназовец, не любивший, похоже, опускать забрало шлема и щеголявший аккуратными усами.

АК с глушаком, тем еще довеском НСПУМ³ и коробчатым магазином на сто двадцать патронов он держал уверенно, цепко. И парни его действовали профессионально: слаженно, тихо – амуниция не бряцала, ни слова лишнего. Охрану станции нейтрализовали вообще без единого выстрела – руками и ножами, крик поднять никто не успел.

А потом началась грамотная зачистка.

³ НСПУМ – ночной стрелковый прицел унифицированный модернизированный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.